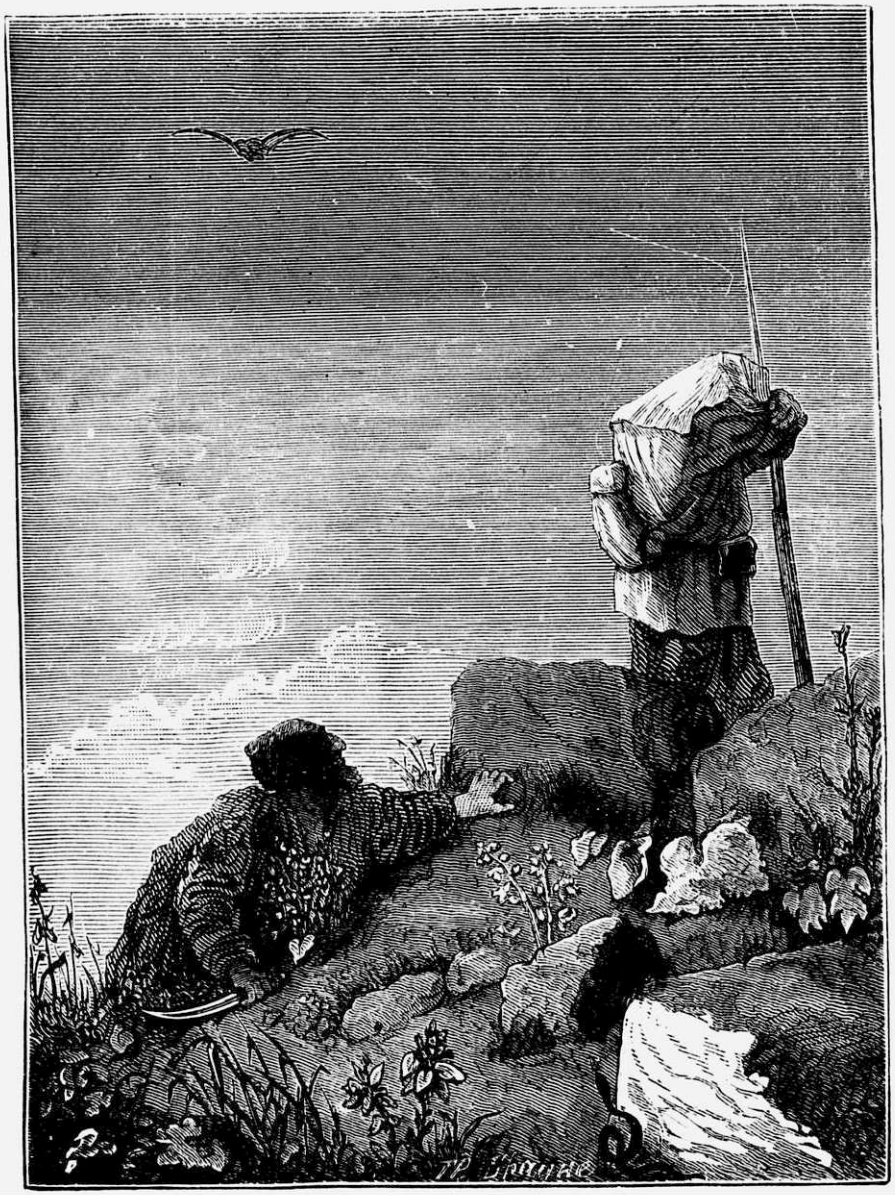
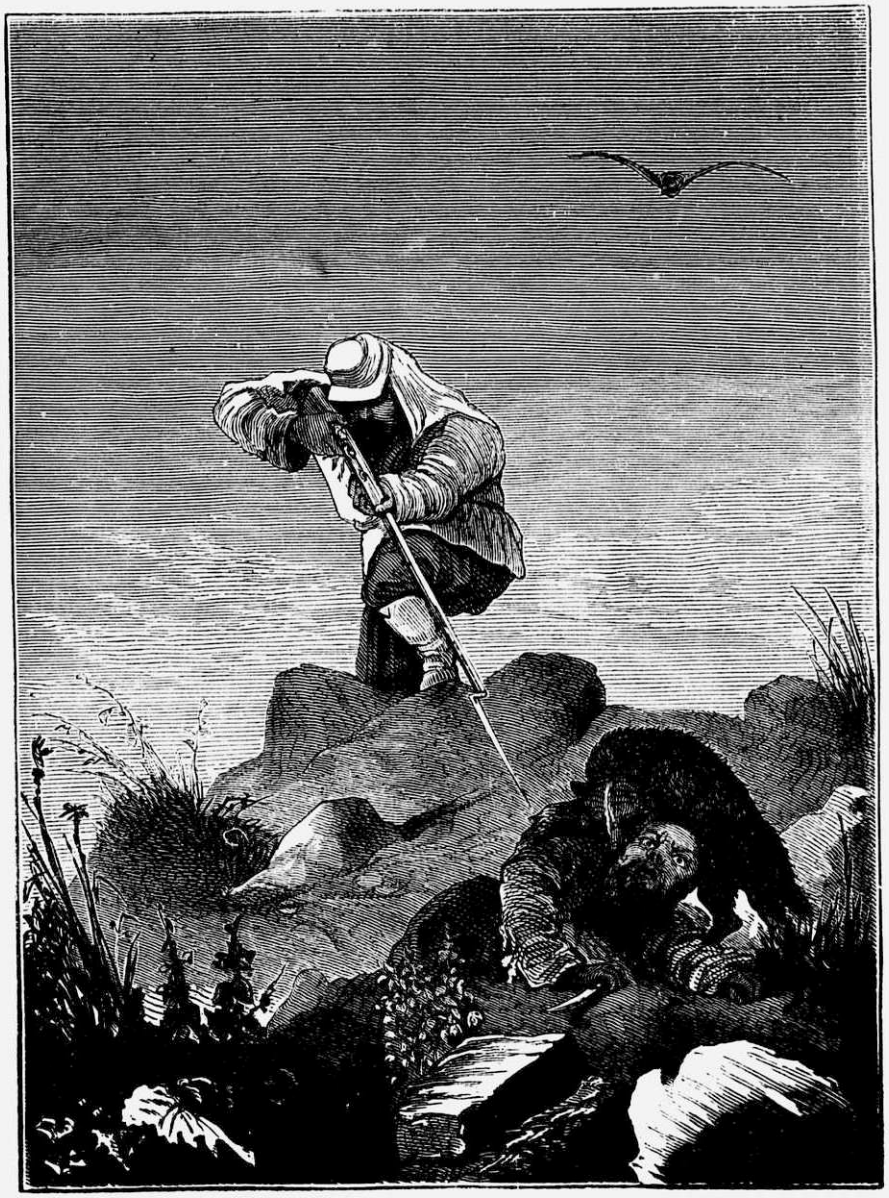


Вздремнулъ.

(Сцена изъ хивинскаго похода).



Очнулся.

(Сцена изъ хивинскаго похода).

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ

802-17
1976

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№№ 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ десяти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

(По описаніямъ и разсказамъ путешественниковъ).

I.

Зеленая степь.

Отправленіе изъ Орска.—Начало хлѣбопашества въ степи.—Зеленая степь.—Первая станція.—Воспоминанія о прежнемъ времени.—Киргизская зимовка.—Киргизы и ихъ бытъ.

Весною 187* года мнѣ привелось совершить путешествіе въ Туркестанскій край. Я не стану описывать мой проѣздъ по Европейской Россіи, такъ какъ самый интересъ путешествія начинается только послѣ переѣзда чрезъ границу Азіи.

Позднимъ, весеннимъ вечеромъ я переѣхалъ чрезъ рѣку Уралъ и остановился ночевать въ одной изъ гостинницъ Орска, намѣреваясь отдохнуть предъ предстоящимъ степнымъ путешествіемъ.

Рѣка Уралъ отдѣляетъ Европу отъ Азіи и такимъ образомъ я въ эту ночь находился уже въ Азіи; Европа и все европейское осталось позади меня.

Раннимъ утромъ я выѣхалъ изъ Орска. Прямо за городомъ справа и слѣва тянулись полосами свѣжія, черноземныя полосы, за ними волнистою линіею виднѣлись холмы, мало по малу становящіеся все отложе, словно расползающіеся по безконечному степному пространству. Зелени было мало видно, кругомъ, куда-бы ни достигалъ глазъ, всюду виднѣлась взрытая плугомъ земля. Верстъ двѣнадцать уже проѣхали мы, а все не прекращались пашни, все еще видны были слѣды обработки то прошлогодней, то нынѣшней — свѣжей. Тамъ и сямъ торчали шалаши и палатки, кое гдѣ были видны срубленные изъ бревенъ сторожки, оставленные на полѣ плуги, бороны, телѣги, сбруя... По межамъ бродилъ рабочій скотъ, пасшійся подъ наблюденіемъ черномазыхъ киргизовъ-работниковъ.

Закопошился народъ рабочій... Вонъ вдали видѣнъ уже работающій плугъ. Вотъ полуголый киргизъ идетъ за плугомъ; другой, еще мальчикъ, тащитъ за веревку переднюю пару воловъ. Не вдалекѣ впрягаютъ еще плугъ. Опять киргизы работники!

Это была для меня совершенная новость. Мнѣ и прежде случалось бывать въ этихъ мѣстахъ, но тогда о томъ, чтобъ киргизы взялись пахать землю и въ поминѣ не было; многіе даже были вполнѣ увѣрены, что киргизы никогда не возьмутся за соху.

Отрадно было смотрѣть на эту картину. Сердце радовалось при мысли, что вотъ скоро вся степь превратится въ одно сплошное, обработанное поле... Зацвѣтетъ довольство, домовитость и исчезнетъ дикость и необузданность нравовъ, свойственная кочевникамъ... Но все это еще пока въ будущемъ. Пока же кочевники-киргизы обработываютъ землю какъ простые работники русскихъ купцовъ, арендующихъ степи подъ пахоту.

Кончаются наконецъ обработанные поля, начинается настоящая степь.

Отъ лѣваго берега Урала на востокъ, до корачайскихъ лѣсовъ, что близь укрѣпленія Оренбургскаго и солонцовъ бенпалдинскихъ, отъ Орска на югъ, вплоть до самаго города Иргиза—все это степь ровная, хорошая, кормами обильная, «богатая степь», какъ называютъ ее кочевые киргизы.

Три рѣки орошаютъ эту степь: Эмба, Орь и Иргизъ. Озеръ и мелкихъ затоковъ по ней видимо невидимо, особенно близь Ори, этой живой жилки степнаго края. Земля все здѣсь больше черноземная, мѣстами супесковатая, есть и суглинокъ, только его немного. Мѣстами степь прорѣзываютъ сухіе овраги — суходолы и каменистыя балки, по бокамъ которыхъ сквозь верхній слой тучной земли, выглядываютъ красно-сѣрыя каменныя массы. По днамъ этихъ балокъ длинныя прерывчатыя болотины, поросшія осокою и камышемъ.

Еще въ концѣ марта, чуть только начнутъ стаивать неглубокія снѣга, вся степь быстро покрывается ковромъ роскошной растительности. Вся земля въ то время пропитывается влагою на довольно значительную глубину, особенно тамъ, гдѣ каменистая подпочва глубока и нога коня недостаетъ до этого твердаго слоя. Жаркое весеннее солнышко быстро просушиваетъ эту топь, согрѣваетъ ея поверхность и вызываетъ наружу такую роскошную, богатую ростительность, какую не бывавшій въ этихъ степяхъ и вообразить не можетъ.

Отрадно на душѣ, когда ѣдешь по степи. Словно море волнуется сплошной ковыль, — серебрится бѣлая кашка, пестрятъ голубые цвѣты колокольчиковъ и ярко-

красныя головки мака; въ воздухѣ пахнетъ полынью и еще какими-то невѣдомыми травами.

Одинокое дерево виднѣется вдали, вправо отъ дороги—это *аулы*—святое дерево, считающееся святымъ потому, что, Богъ вѣсть зачѣмъ и почему, оно выросло здѣсь посреди безлюдной равнины.

Чрезъ нѣсколько часовъ быстрой ѣзды по превосходной, гладкой какъ скатерть, степной дорогѣ, я подъѣхалъ къ станціи Токанъ и лихо подкатилъ къ тесовому крыльцу новаго станціоннаго домика.

Просторная, чистая и свѣтлая изба для проѣзжающихъ, снабженная весьма приличною мебелью и даже стѣнными часами, чисто вымытый досчатый полъ, сверкающій на диво самоваръ, смотритель въ форменномъ сюртукѣ, услужливый и суетливый, торопливая суета ямщиковъ на дворѣ вокругъ экипажа, русская рѣчь и русскія красныя рубахи—все это нисколько не удивило бы новичка, не ѣздившаго прежде по орско-козалинскому тракту, но я находился въ иныхъ условіяхъ; я былъ прежде хорошо знакомъ съ этою дорогою и, признаюсь откровенно, съ изумленіемъ смотрѣлъ на все окружающее, не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ, что все это вижу не во снѣ.

Для того, чтобы объяснить причину моего изумленія я долженъ разсказать о прошломъ времени. Первый разъ я проѣзжалъ по этой дорогѣ въ 1867 году. Это было еще время, близкое къ завоеванію русскими Туркестана.

Въ новозавоеванный край понадобились офицеры, чиновники, разный рабочій людъ и понадобились въ огромномъ количествѣ. И вотъ всѣ они столпились въ Орскѣ и Оренбургѣ, готовясь къ степному путешествію.

Всѣ гостинницы были переполнены народомъ, по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей.

Вотъ въ это то бойкое время и привелось мнѣ въ первый разъ ѣхать по Орско-Козалинскому тракту.

Едва я только выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу же почувствовалъ непріятности предстоящаго путешествія. Тройка лошадей, приведенная рано по утру, дотащила меня до первой станціи только ночью. Станція, та самая, на которой я теперь находился, состояла изъ полуземлянки, наполненной полуразрушенной печью и ворохами полусгнившей соломы. Миріады насѣкомыхъ кишѣли въ этомъ навозѣ; трудно было дышать отъ тяжелаго запаха.

Дальнѣйшее мое путешествіе было длиннымъ, непрерывнымъ рядомъ всевозможныхъ лишеній и пытокъ. Недостатокъ лошадай, чаще же всего совершенное ихъ неимѣніе на станціяхъ, задерживали меня по цѣлымъ суткамъ и болѣе. Всѣ станціи были не лучше первой только что описанной. Встрѣчались войлочныя кибитки, покрившіяся, съ безчисленными дырами въ прогорѣвшихъ войлокахъ, не защищавшихъ ни отъ холода, ни отъ дождя, ни отъ вѣтра.

Все путешествіе, какіе нибудь 900 верстъ, до Козалинска, тянулось пять недѣль, а я еще находился въ лучшихъ условіяхъ, такъ какъ ѣхалъ одинъ и на легкѣ. Каково же было ѣдущимъ съ семьями, съ дѣтьми, часто съ грудными.

Теперь же я совершенно не узнавалъ стараго знакомаго орско-козалинскаго тракта.

Въ нѣсколько минутъ были запряжены, сытыя, не

загнанныя до изнеможенія, лошади. Русскій ямщикъ въ простой рубахѣ съ мѣдной бляхой на шляпѣ, осторожно разобралъ возжи и мы понеслись по гладкой, черноземной дорогѣ.

Узкою полосою тянулась дорога, а по сторонамъ ея, во всѣ концы, сливаясь съ синею полоскою далекаго горизонта раскинулось цѣлое море зелени.

Ярко-бѣлыя и желтоватыя бабочки миріадами носятся надъ степью; звонъ стоитъ отъ стрекотанія безчисленныхъ кузнечиковъ, жужитъ пчела и шмель и съ тихимъ шуршаніемъ ползаютъ между корнями большія жуки-навозники.

А птицы-то разной въ степи сколько! Вотъ гдѣ безконечное раздолье истому охотнику. Мирно плодится здѣсь разная степная дичь, не пугаясь, не обращая даже вниманія на топотъ киргизскаго коня, пробѣгающаго чуть не у самаго выводка. Только и грозы на птицу, что орлы, налетающіе изъ поднебесья, да ястреба, копцы и соколы, то вольные разбойники, промышляющіе на себя, то рабы человѣка, слетающіе съ рукавицы киргизскаго охотника *).

Степныя куропатки стадами бродятъ по степи въ густой травѣ, съ шумомъ взлетаютъ разомъ, проносятся надъ самою землею саженъ десять и снова прячутся въ траву, потому тамъ и привольнѣе и просторнѣе, и на счетъ корму обильнѣе. Тамъ и сямъ щелкая крыльями взлетаютъ неуклюжіе стрепеты; цѣ-

*) Киргизы пріучаютъ соколовъ и ястребовъ бить на лету дичь и ѣздятъ съ ними по степи на охоту. Ястребовъ и соколовъ охотникъ держитъ на рукѣ, которая закрывается особою рукавицею.

лыми стадами бродятъ тяжелыя дрохвы, издали словно стада барановъ, сразу и не узнаешь *). Жаворонки, подорожники, разная мелочь, пока еще не очень пригрѣло полуденное солнышко такъ и шныряетъ въ воздухѣ, наполняя его самыми разнообразными звуками. А выше всего, ближе къ небу и бѣловатымъ облакамъ, плавно носятся орлы и другіе хищники, спускаясь на землю только для того, чтобы отдохнуть, либо урвать да на чужой счетъ поживиться.

— Гей, гей! — покрикивалъ ямщикъ...

— Гей, гей! отзывался ему изъ степи киргизъ приставши на стременахъ и приглядываясь изъ подъ руки къ проѣзжающему тарантасу.

Вотъ справа отъ дороги чернѣетъ что-то приземистое, не то куча земли, не то какое-то строеніе. Черный дымъ вьется надъ нимъ; собаки съ свирѣпымъ лаемъ несутся къ намъ навстрѣчу... Стой? надо посмотрѣть... Это зимовка кочевника, представляющая переходъ отъ кибитки къ русской избѣ, срубленной изъ бревенъ. Этого рода постройки начали появляться въ степи также только въ недавнее, послѣднее время.

Строеніе, къ которому подошелъ я, возвышалось надъ поверхностію земли не болѣе какъ на полтора

*) *Дрофа* или *дрохва* иначе называемая *дудакомъ*, бываетъ очень велика, до пуда вѣсомъ. Перо у ней желтоватое, съ рябью. Ноги здоровыя и бѣгаетъ она такъ быстро, что не всякая собака догонитъ. У самца подъ головой маленькая бородка изъ перьевъ. Гнѣздо она вьетъ на землѣ и несетъ всего по два яйца.

Стрепетъ величиною будетъ съ тетерева, только ростомъ повыше и перо имѣетъ желтое, съ черною рябью. Шея черная съ двумя бѣлыми ошейниками. Когда онъ летитъ, то звенитъ, словно бубенчикъ какой.

аршина; за то углублено оно было довольно значительно. Бревна сруба довольно аккуратно приложены другъ къ другу, щели проконопачены сѣномъ и смазаны; надъ всѣмъ этимъ настлана была плоская крыша съ двумя дымовыми отверстіями: изъ одного изъ нихъ торчала колѣнчатая труба желѣзной печки. Нѣсколько совершенно голыхъ ребятишекъ играли на крышѣ и завидя насъ, мгновенно попрятались, словно сурки по норкамъ. Двѣ женщины толкли просо въ деревянной ступѣ. Неподалеку, на треногомъ желѣзномъ таганѣ стоялъ плоскій котелъ и въ немъ на медленномъ огнѣ варилась какая-то похлебка, распространяющая довольно пріятный запахъ.

Одна изъ женщинъ, при видѣ меня, поспѣшила спустить концы джовловука и продолжала свою работу, другая же, помоложе, вытаращила на меня свои косые глаза и расхохоталась.

— Что нужно? спросила она сквозь слезы и снова расхохоталась, искоса поглядывая на меня и видимо припоминая что-то ужь очень смѣшное.

— Здравствуй! Въ гости къ тебѣ пришелъ. Хочу посмотрѣть твой домъ.

Домъ не мой, а хозяйскій. Хозяева всѣ въ степи и большіе и маленькіе. Далеко въ степи... тамъ! она показала рукою на западъ. — Ты откуда!

— Ну, это долго разсказывать, уклонился я отъ разспросовъ и направился къ двери, или правильнѣе сказать къ четвероугольному отверстію, завѣшанному кошмой.

Я вошелъ, согнувшись предварительно въ три погибели. Сразу мнѣ показалось очень темно, но потомъ

я осмотрѣлся. Вдоль земляныхъ, кое-какъ выштукатуренныхъ стѣнъ, тянулись небольшія насыпныя возвышенія въ видѣ лавокъ, поверхъ ихъ постланъ камышь, покрытый кошмами; нѣсколько оконъ, въ видѣ узкихъ продольныхъ щелей, продѣланныя подъ самою крышею пропускали слабый свѣтъ.

Воздухъ въ этой землянкѣ былъ спертъ и удушливъ, слышно было запахъ овечьяго навоза и кислаго молока.

Вскорѣ я почувствовалъ зудъ въ ногахъ и началъ почесывать. Надо было поскорѣе выбираться отсюда.

— Блохъ много, сказала молодая дикарка и снова расхохоталась, да такъ, что я не могъ и дождаться, пока она успокоится.

— Вотъ такъ-то... вчера... такіе же... какъ чесались, какъ чесались... Пришли и полѣзли туда... Ха-ха-ха! прорывались сквозь смѣхъ ея слова намъ въ догонку.

Въ домѣ, только что посѣщенномъ нами, не было никакихъ предметовъ домашняго хозяйственнаго быта. Все это было вывезено въ кочевья, а на попеченіе этихъ двухъ женщинъ-работницъ были оставлены только голыя стѣны. Женщины эти, впрочемъ, и сами не жили въ этой землянкѣ, а помѣщались по близости въ маленькихъ кибиткахъ (юлемейкахъ или джулемейкхъ), торчавшихъ своими закопченными, остроконечными верхами изъ-за ярко-зеленаго ската лощины.

Изрѣдка виднѣлись въ степи очень красиво построенныя, въ видѣ домика съ остроконечными минаретами (т. е. башенками въ родѣ колокольни), мечети. У заборовъ этихъ зданій всегда виднѣлись десятка два осѣдланныхъ лошадей и мелькали красныя верхушки киргизскихъ малахаевъ.

Но пора поближе познакомить читателей съ обитателями этихъ благодатныхъ степей—киргизами и ихъ кочевымъ бытомъ.

Киргизы сами себя киргизами не называютъ, а зовутъ казаками, а казакъ по-татарски значитъ вольный, гулящій человѣкъ, лихой наѣздникъ.

Киргизы принадлежатъ къ кавказской породѣ людей (къ которой принадлежимъ и мы), потому что они относятся къ турецко-татарскому племени. Въ составъ русскаго царства они вошли съ XV и XVI столѣтія. Но только при Петрѣ Великомъ они окончательно вступили въ подданство Россіи, въ которомъ остаются и до сихъ поръ.

Всего киргизовъ, состоящихъ въ подданствѣ Россіи, насчитывается въ настоящее время около двухъ милліоновъ душъ; кромѣ того, есть около 300 тычячъ киргизовъ, которые либо кочуютъ независимо въ Усть-Юртѣ, либо признаютъ власть хановъ Хивинскаго, Бухарскаго и Коканскаго.

Обитая преимущественно въ степяхъ, обильныхъ кормомъ для скота, киргизы до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни и занимаются преимущественно скотоводствомъ.

Давно уже киргизы прижились въ степяхъ съ своей скотиной. Они только тѣмъ и живутъ, что разводятъ барановъ, козъ, верблюдовъ, коровъ да лошадей. Велики атары, большіе гурты да табуны—богатъ и киргизъ. Мало у него скота—онъ бѣднякъ голый.

Широка степь и всѣмъ достанетъ въ ней мѣста; со

стороны посмотрѣть—покажется, что киргизы бродятъ по ней зря, безъ опредѣленнаго порядка. Но на дѣлѣ не такъ: и у нихъ также есть свои порядки.

Киргизы живутъ родами. Каждый киргизскій родъ имѣетъ свои мѣста, на которыхъ и пасетъ скотину. Раннею весною бываетъ у нихъ съѣздъ старшинъ, на которомъ распредѣляются между родами мѣста кочевокъ.

Изъ себя киргизы росту небольшаго, но сложены крѣпко. Лицо у нихъ скуластое, ротъ широкій, глаза узенькіе и нѣсколько скошенные. Волосы большею частію русые, борода маленькая, ростущая только на самомъ подбородкѣ. Тѣло у нихъ темное, загорѣлое, какъ

чугунъ; ноги кривыя, потому что киргизы большую часть времени проводятъ верхомъ на лошади.

Одежда киргизовъ не хитрая: штаны бѣлые, рубаха распояска длинная, ермолка (тюбетейка) на бритой головѣ, а сверху островерхій колпакъ, свалянный изъ войлока или такой же—сдѣланный изъ мѣха, у болѣе богатыхъ изъ лисьяго, а у бѣдныхъ изъ баранья-го. Въ такомъ порядкѣ ходитъ киргизъ дома; если же случится ему ѣхать куда, онъ надѣваетъ чепанъ (халатъ), иногда же два и три, шубу баранью обыкновенно кверху мѣтомъ и широкія кожанныя штаны и сапоги. Въ эти штаны онъ заправляетъ все, что на немъ есть, что очень удобно для верховой ѣзды. Сапоги у нихъ больше желтые юфтянные, съ вострыми носками, на которыхъ пришитъ язычекъ изъ ремня.

Лѣтомъ, а многіе и зимой, киргизы живутъ въ кибиткахъ. Онѣ дѣлаются у всѣхъ на одинъ манеръ, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ. Устраиваются они слѣдующимъ образомъ: сперва ставится рѣшетка сдѣланная изъ тоненькихъ палочекъ, которыя скрѣплены ремешками, такъ что она удобно сдвигается и раздвигается; рѣшетка ставится кольцомъ, такъ что остается только отверстіе для двери, а сверху накрываютъ крышей, круглой же рѣшеткой; бока и крыша покрываются кошмами и обвязываются для прочности ремнями,—оставляется вверху только небольшое отверстіе для дыму.

Въ кибиткѣ киргизамъ жить хорошо: ее ни вѣтромъ не продуваетъ, ни дождемъ не пробиваетъ. Если поднимется большой вѣтеръ, то киргизы привязываютъ кибитку къ вбитому въ землю колу за веревку, кото-

рая привязывается къ верху. Въ холодъ, посреди кибитки раскладывается огонь, а когда огонь прогоритъ, верхнее отверстіе закрывается кошмой и тепло держится долго.

У богатыхъ киргизовъ кибитки отличныя: кошмы всѣ изъ бѣлой шерсти сваляны, узорами снутри вышиты, рѣшетки красками раскрашены. Все убранство кибитки состоитъ изъ сундуковъ, въ которыхъ хранится все

хозяйское богатство: одежда праздничная, сбруя дорогая, женскія украшенія, деньги. Ни столовъ ни скамеекъ у киргизовъ нѣтъ: они и сидятъ и спятъ на полу, который, поэтому, всегда устилается кошмами.

Питаются киргизы больше молокомъ и мясомъ,—хлѣба же ѣдятъ мало; изъ коровьяго, овечьяго и козьяго молока они приготовляютъ сыръ, который называется

крутъ, а изъ кобыльяго дѣлаютъ кумысъ—напитокъ нѣсколько охмѣляющій.

Киргизы народъ отличный; характера они мягкаго, веселаго, весьма простодушны и добры. Одинъ только недостатокъ водится за ними—это лѣнь.

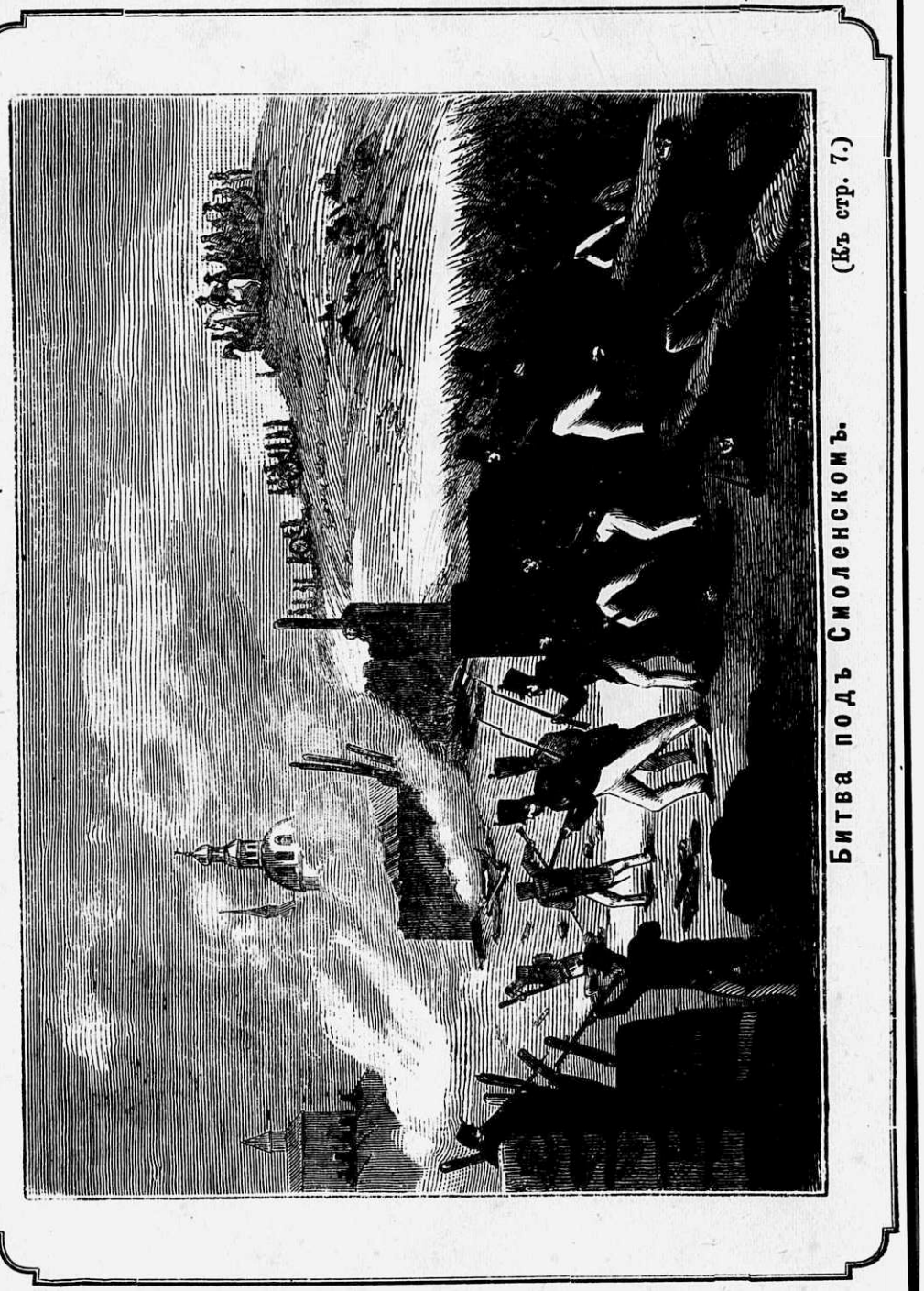
У киргизовъ старшій въ семьѣ—отецъ, если живъ дѣдъ, то онъ считается главнымъ; онъ всему дѣлу голова. Его всѣ слушаютъ и уважаютъ. Всѣ родственники составляютъ родъ, въ которомъ всегда есть свой начальникъ, называющійся султаномъ.

Семья у киргизовъ бываетъ иногда очень многочисленна, потому что они могутъ имѣть по нѣскольку женъ.

Женщинамъ у киргизовъ жить свободно — ихъ не обижаютъ, только относительно работы они часто обременены бываютъ не по силамъ, такъ какъ на нихъ лежатъ всѣ работы по хозяйству, мужчина же знаетъ только свои табуны и стада и ни во что другое не вмѣшивается.

Одежда киргизокъ также проста какъ и у мущинъ Они также одѣваютъ по нѣскольку халатовъ, и только олову убираютъ иначе. Замужнія носятъ головной уборъ въ видѣ конуса (какъ показано на рисункѣ), вышиною въ полъаршина и называемый кулибашъ; уборъ этотъ покрывается киссей или халетомъ, концы котораго висятъ сзади. Весь уборъ расшивается шолкомъ и унизывается корольками и бусами.

Если киргизъ вздумаетъ жениться, онъ долженъ заплатить отцу невѣсты выкупъ, который называется калымомъ. Калымъ платится скотомъ иногда десятка по четыре, по пяти головъ.



Битва подъ Смоленскомъ. (Къ стр. 7.)

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ

802-17
1977

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

№№ 5, 6, 7 и 8.

Съ приложеніемъ пяти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

(По разсказамъ и описаніямъ путешественниковъ).

II.

Городъ Иргизъ. Солончаки. *)

Рѣка Орь. — Полынная степь. — Городъ Иргизъ. — Базаръ.—Солончаки.— Сойгаки.—Окаменѣлыя озера.—Охота киргизовъ за сайгаками.

Быстро катится тарантасъ по степи. Станціи смѣняются станціями; степь становится безлюднѣе...

Вправо отъ дороги, прерывистою, серебристою полосою сверкаетъ рѣка Орь. Чудная эта рѣка: то течетъ она по поверхности, то нырнетъ въ глубь земли, прокладывая себѣ дорогу подъ слоемъ песка и снова вырывается на свѣтъ Божій, отражая въ своихъ водахъ голубое небо и быстро бѣгущія по немъ облака.

Отъ Ори мѣста перемѣнились. Ковыль назади остался, пошла степь полынная. Мѣста глинистыя начались. Полынная степь въ самомъ дѣлѣ одной полынью поросла. Такъ кустиками и пошла и пошла сплошь. Ровно—ровно, скучно такъ тянется сѣренькая степь, словно пепломъ подернулась.

Верстъ за 500 отъ Орска, на самомъ томъ рубежѣ, гдѣ кончаются зеленыя степи и начинаются солончаки и пески, стоитъ городъ Иргизъ.

Прежде это было небольшое степное укрѣпленіе, называемое Уральскимъ, и при немъ небольшая слободка.

*) Первый очеркъ «Зеленая степь» помѣщенъ въ первой книжкѣ журнала «Чтеніе для Солдатъ» за текущій годъ.

Теперь укрѣпленіе переименовали въ городъ Иргизъ, но до сихъ поръ онъ еще мало обстроился и измѣнился.

Еще за версту, не доѣзжая до Иргиза съ сѣвера, начинается сыпучій песокъ, и издали замѣтна высокая гора, на которой виднѣются низенькія стѣны степнаго форта и за ними длинныя крыши казармъ и госпиталя.

Тутъ, ближе, почти подъ самою горою, чрезъ рѣку Иргизъ надо вбродъ переѣзжать. Бродъ не широкій и мелкій, особенно въ лѣтнюю пору. Рѣка Иргизъ самая поганая въ степи. Вода въ ней мутная и солоноватая. Да и въ колодцахъ, что лежатъ по берегамъ ея, на станціяхъ и въ кочевьяхъ, воды настоящей нѣтъ, а имѣетъ она солено-горькій вкусъ, похожій на морскую воду.

За бродомъ сейчасъ крутой подъемъ на гору по сыпучему песку. Поднимешься,—улица сейчасъ будетъ. Дома все низенькіе, маленькіе, окна подслѣповатыя, крыши почти у всѣхъ плоскія, все какого-то глинистаго, сѣроватаго цвѣта.

Въ дождливое время въ городѣ грязь по колѣно, а лѣтомъ пыль и духота непомѣрныя.

Была не очень уже ранняя утренняя пора, когда подъѣзжалъ я къ Иргизу. По большой дорогѣ то и дѣло попадались киргизы, направлявшіеся къ городу. Прямо, цѣликомъ со степи, выѣзжали другіе, кучками и въ одиночку. День приходился базарный. Верблюды тяжело ступали по песку, навьюченные сѣномъ, колючкою и камышемъ — другаго чего нечего везти кочевнику. Гнали барановъ на продажу; кое кто коровенокъ гналъ или лошадь какую-нибудь хромую, для

дѣла уже не годную. Вотъ и все, что могли предложить кочевники городскому базару. Взамѣнъ этого они разсчитывали достать ситцу, который здѣсь продается, сукна краснаго на обшивку халатовъ и на верха лисьихъ малохаевъ, табаку въ листахъ, кое-чего изъ желѣзной посуды. а пуще всего что ихъ подманивало—хлебнуть въ кабакахъ и съ собою захватить водки на дорогу, когда въ аулы поѣдутъ.

Довольно длинная городская улица по срединѣ по шире расходилась,—тутъ была базарная площадь. Густая пыль туманомъ стояла надъ нею, и въ этой пыли двигались навьюченные верблюды, конные и пѣшіе люди, бараны и другой скотъ, и слышался то киргизскій говоръ, то русская бойкая рѣчь..

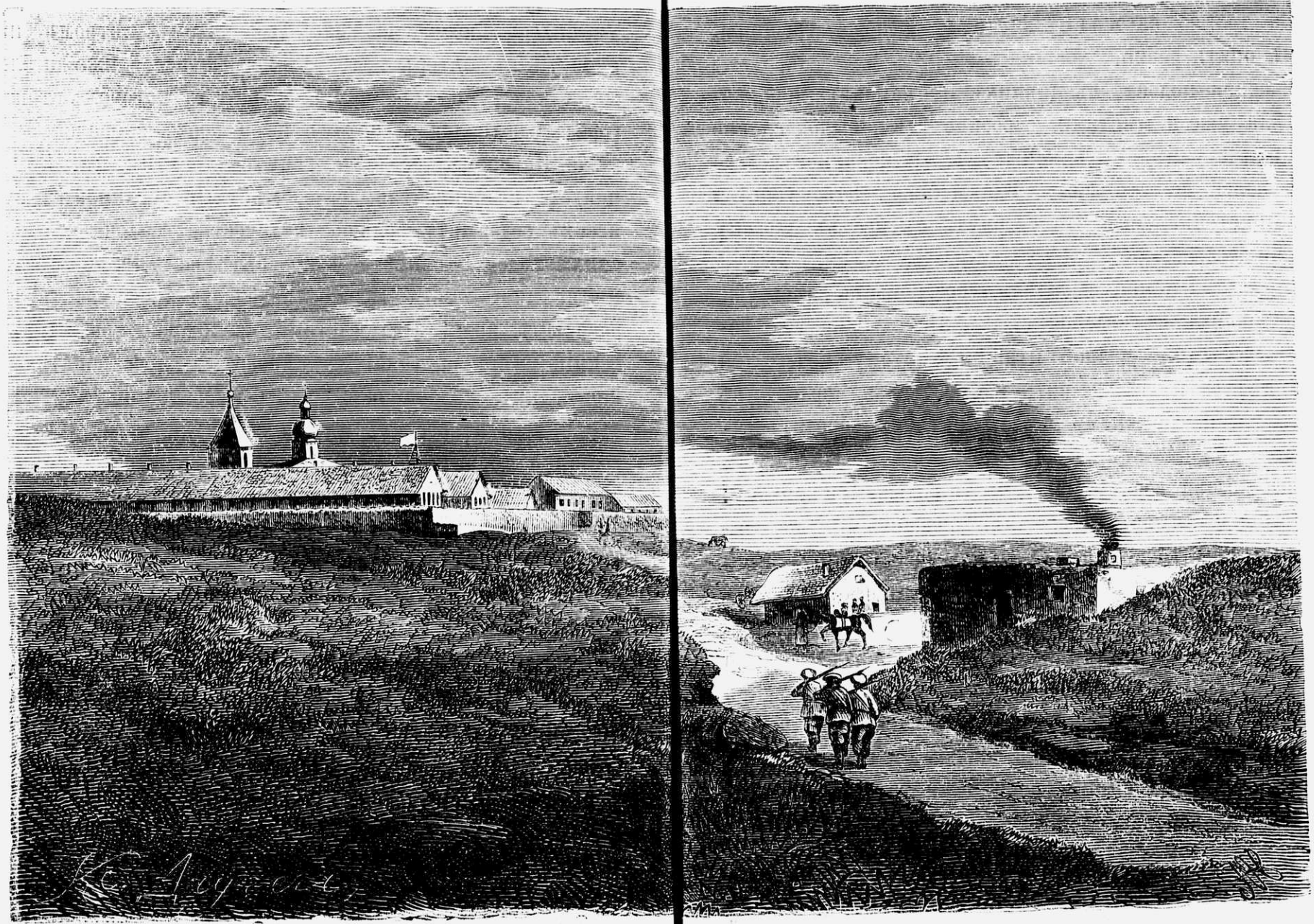
Лавки были отперты и въ темныхъ пролетахъ дверей виднѣлись развѣшанные куски ситца и кумача. Двери многочисленныхъ кабаковъ также были настежь, и въ нихъ то и дѣло сновалъ народъ: то широкоплечій киргизъ въ халатѣ изъ верблюжьяго сукна, то мѣстный торговецъ въ синей поддевкѣ и т. д.

На этихъ базарахъ, жители города Иргиза, пробиваются мелкою торговлею а больше продажей водки да скотоводствомъ на киргизскій манеръ. Полей же вовсе не пашутъ, хлѣба не сѣютъ, только огороды разводятъ, да и съ тѣми много маются. Только подуетъ вѣтеръ съ западной стороны или съ южной,—а тамъ самые пески и тянутся,—и начнетъ засыпать огородныя гряды; не успѣваютъ расчищать и часто бросаютъ совсѣмъ работу; такъ завѣетъ все пескомъ до самыхъ домовъ, къ которымъ песчаные сугробы наваливаются чуть не подъ самыя крыши.

Говорятъ прежде, когда еще только строили тутъ укрѣпленіе, песку не было; его потомъ вѣтромъ надуло. Какъ вѣтеръ подуетъ, песокъ все ближе да ближе и подступалъ во кругъ бугра, на которомъ стоитъ городъ, поднялся, а потомъ и на верхъ забрался.

За Иргизомъ городомъ тянутся солончаки. Земля пойдетъ солонцеватая, т. е. мѣстный суглинокъ и супесокъ содержатъ большое количество осадочныхъ морскихъ солей. Соль эта и поверхъ выступаетъ: мѣстами не много, такъ только, подернетъ поверхность сѣроватымъ налетомъ, мѣстами же словно грязный весенній снѣгъ растилаются сѣроватыя пространства и на солнцѣ далеко они видны, особенно потому еще, что ничего не ростетъ на этихъ пятнахъ, а кругомъ все-таки торчитъ бурая, высохшая колючка и не избѣжная полынь, только не такая, какъ въ зеленой степи—пахучая, зеленоватая,—а тощая, совсѣмъ сѣрая, словно густымъ слоемъ пыли покрытая. Ближе къ окраинамъ соляныхъ пятенъ, словно присохшія къ почвѣ, распластались лишаи и черноватый мохъ,—любимая пища киргизской овцы и дикаго сайгака.

Соль быстро втягиваетъ въ себя всю влагу изъ воздуха и трудно дышать въ этой степи, скорѣе устаютъ и люди и животныя, особенно кому съ непривычки. Весною и осенью, когда пойдутъ дожди, вся почва раскисаетъ и превращается въ топь; потомъ подсохнетъ, разстрескается широкими и длинными трещинами, да такъ и затвердѣетъ на все лѣто. На слѣдующую весну, вода побѣжитъ по этимъ трещинамъ, размоетъ ихъ, превратитъ въ овраги и въ бока во всѣ стороны пойдутъ новыя развѣтвленія. Въ иномъ мѣстѣ



Уральское укр[illegible]ъ Иргизъ.

(Въ Ки[illegible]).

совсѣмъ исковеркаетъ землю, а въ другомъ, глядишь, грязью только засосало, затянуло старыя трещины, и тамъ опять ровно.

Дорожная полоса, съ давнихъ поръ накатанная, затвердѣла уже и мѣстами, особенно гдѣ повыше, словно каменная стучитъ подъ копытомъ, и кованное колесо слѣда колей не оставляетъ. Вдавленною лентою тянется колея по степи, такъ что свернуть съ нее въ сторону дѣло не легкое.

И звѣрь, и птица, и гадина—все пойдетъ здѣсь уже не такое какъ въ зеленой степи. Не слышно уже веселаго щебетанія мелкой пташки, потому нечего ей здѣсь дѣлать и гнѣзда вить негдѣ. Только орловъ въ поднебесьи по прежнему много. Сайгаки*) бродятъ табунами, только отъ дороги подальше держатся. Въ сторонѣ же, за версту эдакъ, часто виднѣются сайгаки: то моху погложутъ, то языками шершавыми соль слизываютъ. Бодаться начнутъ между собою, упрутся рогами другъ въ друга, да такъ и стоятъ, лбы сдвинувши, по получасу и больше. Молодые ягнята прыгаютъ, рѣзвятся, самки на спинахъ барахтаются, о землю трутся. Есть такая муха здѣсь, что кладетъ имъ яйца подъ кожу: личинки выведутся, зудъ самый жгучій станетъ мучить беззащитныхъ животныхъ, вотъ они и ерзаютъ на спинѣ, пока не натрутъ себѣ кровавыхъ ссадинъ.

*) Сайгакъ животное похоже на козу, только у него бороды нѣтъ и рога другіе. Ростомъ онъ будетъ человѣку по брюхо. Шерсть въ родѣ песочнаго цвѣта, изсѣра. Рожки небольшіе и не такъ какъ у козы назадъ закинуты, а кверху ндутъ и расходятся врозь. У самокъ рогъ нѣту. Носъ у сайгаковъ горбатый, толстый, ухо широкое. Живутъ они въ степяхъ большими табунами.

Чуть заслышатъ они далекій звукъ почтоваго колокольчика, чуть завидитъ зоркій глазъ черную точку на почтовой дорогѣ, или киргиза коннаго пробирающагося стороною, такъ сейчасъ, какъ молнія, ринутся въ сторону и глазомъ моргнуть неуспѣешь, какъ изъ виду скроются, только пыль бѣловатымъ облакомъ стелется вдали, она только и показываетъ, куда ушли пугливые звѣри.

Болшеголовыя ящерицы, то песочно-желтыя, то сѣрыя съ коричневыми пятнами, то ярко-темныя, съ рѣзкими, черными глянцевыми узорами, такъ и шныряютъ между кустами колючки, а подальше, словно серебрянный обручъ, сверкаетъ змѣя; на солнцѣ вотъ другая, ползущая маленькая головка высоко поднимается, словно выискиваетъ чего-то, словно за каждый кустикъ, въ каждую ямку заглядываетъ.

Много разсѣяно среди этой безлюдной пустыни озеръ. Но это озера мертвыя, безводныя. Чудный видъ представляютъ они глазу, непривычному къ этимъ явленіямъ природы: и берега есть у нихъ, отчетливо видны они со всѣми изгибами и острова есть, покрытыя бурою, жесткою колючкою, есть даже гладкая блестящая водная поверхность. Недостаетъ только воды и даже поблизкости нѣтъ и капли этой животворной влаги. Это окаменѣлыя озера.

Озера эти суть не что иное какъ остатки нѣкогда разливавшагося на мѣстѣ солончаковой степи океана. Богъ-вѣсть сколько столѣтій тому назадъ испарились изъ нихъ послѣднія капли воды; озерная соль вмѣстѣ съ клейкимъ иломъ, осѣла плотнымъ блестящимъ слоемъ, что еще болѣе дѣлаетъ похожимъ эти озера на

настоящія озера. Осадокъ этотъ окрѣпъ, сплотился и словно по плитному полу глухо гудятъ по немъ колеса, отчетливо звякаютъ некованныя копыта почтовой тройки.

Жаркимъ пламенемъ пышетъ здѣсь солнце въ лѣтнее время. Паритъ словно передъ грозою, но напрасно утомленный путникъ будетъ надѣятся на благотворный дождь, на освѣжающіе воздухъ громовые удары. Если и подуетъ вѣтеръ, то будетъ еще хуже: онъ подниметъ ѣдкую солонцеватую пыль, которая мучитъ человѣка тяжелымъ кашлемъ, удушьемъ, нестерпимымъ зудомъ въ ноздряхъ, глазахъ и горлѣ.

На другой день пути по солончакамъ, мнѣ удалось видѣть, какъ охотятся на сайгаковъ киргизы.

Довольно далеко въ сторонѣ паслось стадо сайгаковъ, спокойно пощипавая мохъ. Только вдругъ всѣ они столпились въ кучу, всѣ головы подняли, уши насторожили. Тревога произошла отъ того, что показались двое конныхъ киргизъ, направлявшіеся прямо къ стаду. Сайгаки постояли съ минуту, какъ-бы обдумывая въ какую сторону кинутся, и наконецъ ударились бѣжать отъ киргизъ. Тѣ за ними, гонятъ, кричатъ. Вдругъ изъ-за дальняго бугра, къ которому побѣжало стадо, появилась цѣлая партія киргизъ верхами. Я раньше и не видѣлъ ихъ вовсе. А они нарочно двоихъ послали, чтобы сайгаковъ на нихъ нагнать.

Я велѣлъ остановиться, чтобы посмотрѣть на эту любопытную охоту.

Гикнули киргизы, ударили по лошадямъ и пошли въ догонку за стадомъ. Пошла потѣха! Сайгакъ бѣгаетъ легко, прыжки дѣлаетъ большіе, такъ и носится

по степи. Ну и киргизы ловки: не даютъ стаду уйти да и только, чуть они свернутъ, сейчасъ на перерѣзъ ему и ударятъ.

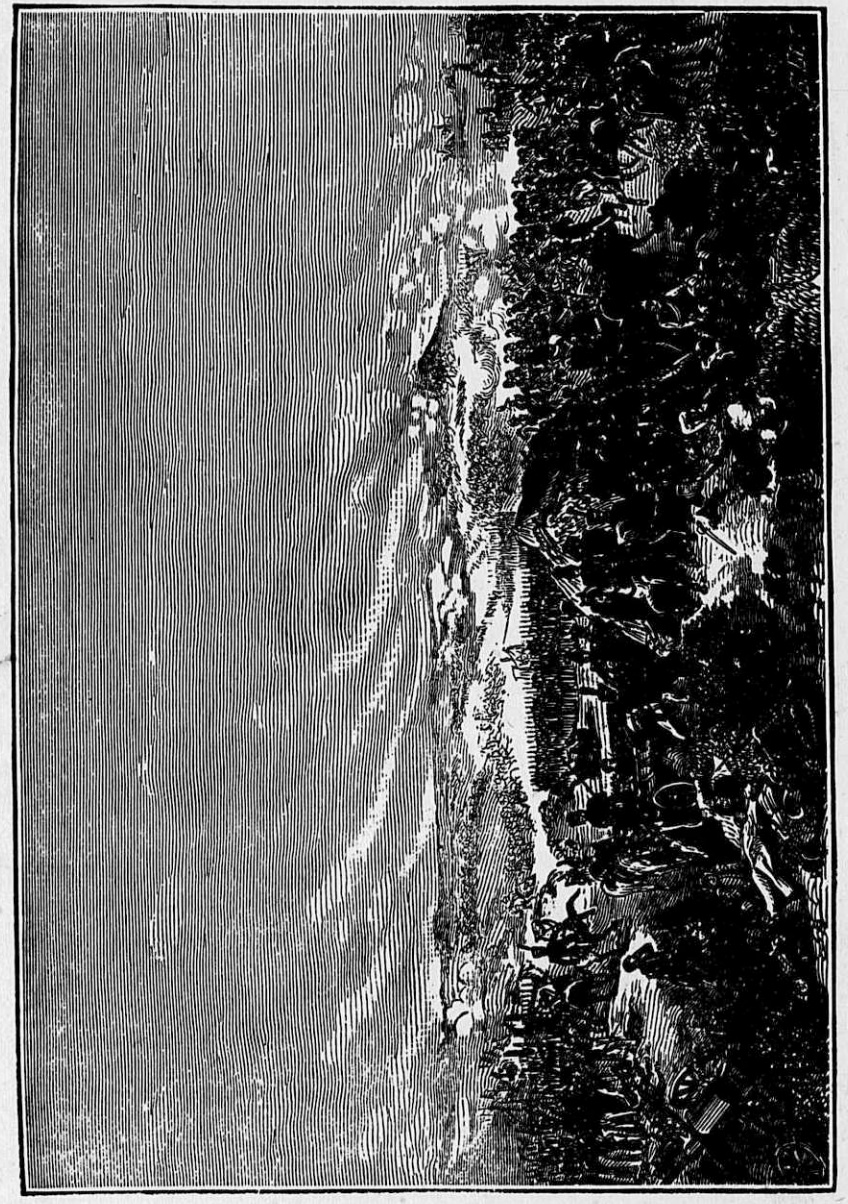
Гоняли такъ гоняли, — сайгаки уставать начали. Какъ замѣтили это киргизы, за ними ужь въ одиночку бросились, кому за какимъ ловчѣе. Лошади у киргизъ отличныя, такъ и идутъ слѣдомъ за сайгакомъ. Вотъ одинъ догналъ сайгака, перекинулся съ сѣдла, и ударилъ его нагайкой, а нагайка толстая-разтолстая пальца въ два изъ ремней сплетена какъ желѣзная бьетъ, тотъ только два раза и ударилъ, сайгака—сшибъ.

Только эта охота и развлекла меня въ скучномъ путешествіи въ этой степи.

Съ какимъ нетерпеніемъ ждешь здѣсь появленія вдали станціоннаго домика, какъ пристально всматриваешься въ эту волнистую мглу, задернутую дрожащею полосою знойнаго тумана. Ждешь отдыха, ждешь прохлады подъ крышею; а прежде напротивъ нехотѣлось выходить изъ экипажа, такъ бы все и катился по этой роскошной зеленой степи, такъ бы и дышалъ ея чистымъ животворнымъ воздухомъ.

Киргизъ кочевникъ любитъ впрочемъ эти мѣстности. Сало, говорятъ, вкуснѣе у овецъ, откормленныхъ на солончакахъ, и сами овцы быстрѣе жирѣютъ, поправляются. Можетъ быть потому и любятъ ихъ киргизы. Но на русскаго, вообще человѣка, непривычнаго къ нимъ, видъ этотъ печальныхъ, грязновато-сѣрыхъ мѣстностей, производитъ самое непріятное чувство тоски отъ безлюдья и какой-то мертвенности.

(Продолженіе будетъ).



Бородинская битва. (стр. 23).

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

802-17
1978

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

№№ 9, 10, 11 и 12.

Съ приложеніемъ шести рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Не мало посмѣялись мы всей этой суматохѣ, отпустили на всѣ четыре стороны нашего защитника луны, а сами, потолковавъ еще между собою и еще разъ полюбовавшись на звѣздное небо, и убѣдясь, что луна слава Богу на мѣстѣ—разбрелись по своимъ койкамъ.

А. Г.....ъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

(По разсказамъ и описаніямъ путешественниковъ).

III.

Песчаная степь. — Кара-кумъ. — Безлюдье степи. — Колодцы.—Сансаулъ и Джингилъ.—Взморье Аральское. — Окрестности Казалинска. — Какъ строился городъ Казалинскъ. — Нынѣшній видъ Казалинска. — Базары. — Саранча.

Песчаная степь не то что отмель песчаная. Отмель ровная, гладкая. А тутъ лѣтомъ все въ буграхъ да пригоркахъ, песокъ не лежитъ ровно, а его надуло кучами да валами. И идутъ эти бугры, перекатываются, то будто шишка какая, то валомъ длиннымъ протянутся, то на откосъ похожи, то стрѣлой станутъ, словно волны морскія въ бурю. Здѣсь эти бугры барханами зовутся. По верхъ бархановъ кустики ростутъ, кустарникъ жиденькій вьется, торчитъ въ иномъ мѣстѣ кусточекъ осоки сухой или травка такая, въ родѣ какъ нашъ тминъ,—вотъ и все тутъ.

Куда ни оглянись—все одинъ песокъ желтый, мелкій, сыпучій, такъ и засыпалъ, замелъ все, точно его нарочно сюда свозили. Дорога вьется по барханамъ, съ бугра на бугоръ переваливаетъ. То и дѣло на верхъ поднимается, на барханъ, да опять внизъ сходитъ въ ямину между буграми. И сколько ни подвигайся по этой

дорогѣ, все одно, что по одному мѣсту ѣдешь: и сзади, и спереди, и по сторонамъ все одинакіе бугры, одинакіе кустики, вездѣ-то одинъ песокъ.

И далеко тянутся эти пески. Поперекъ верстъ съ сотню будутъ, а вдоль, такъ и всѣ двѣсти насчитаешь. Эти пески киргизы зовутъ Кара-Кумъ, по русски же это значитъ: черные или дурные пески.

По этимъ мѣстамъ очень тяжело бываетъ переѣзжать въ лѣтнюю пору. Солнце тогда печетъ ужасно, песокъ накалится словно плита чугунная, пить бѣда хочется. Люди и лошади большія мученія терпятъ. Вотъ въ такихъ-то мѣстахъ верблюды очень пригодны, и не даромъ такъ дорожатъ ими кочевники. Ступня у нихъ широкая, въ пескѣ не тонетъ и жаръ ихъ не такъ душитъ, какъ воловъ и лошадей. Они и идутъ себѣ тѣмъ же шагомъ, какъ по гладкому мѣсту. И опять кормъ для нихъ тутъ все-таки есть, даромъ что пески. Пусти ихъ, они и пойдутъ по барханамъ ходить, кустики обгрызывать.

Безлюдна эта песчаная степь. Словно тутъ повымерло все—ни птицы не увидишь, ни звѣря, ни человѣка. Только что развѣ ястребъ пролетитъ мимо, ящерицы по песку бѣгаютъ, да ночью гдѣ-нибудь завоетъ бѣглый волкъ. По почтовой дорогѣ только русскіе ѣздятъ. Киргизы же на прямикъ ѣздятъ безъ дороги; а если съ караваномъ идутъ, такъ у нихъ другая дорога, караванная, по краю песковъ идетъ.

Воду здѣсь только изъ колодцевъ можно достать. Колодцы эти одинъ отъ одного верстъ на тридцать роются, потому сберегать ихъ трудно: чуть что, пескомъ его и задуетъ. Колодцы эти никогда не роются

въ одномъ мѣстѣ по нѣскольку, потому въ каждомъ изъ нихъ вода пересыхаетъ. Какъ вычерпалъ всю, то и дожидайся цѣлую ночь, когда новая набѣжитъ.

Еще ладно въ пескахъ, если тихо. А вотъ бѣда, когда вѣтеръ поднимется, какъ и мнѣ испытать пришлось. Подыметъ онъ песокъ, понесетъ, закрутитъ его и ужь ни чѣмъ отъ него не скроешься: лице пескомъ колетъ, глазами смотрѣть нельзя, песку набьется и въ ротъ и подъ самую одежду. Если вѣтеръ сильный, такъ онъ такъ и несетъ песокъ, какъ мятель какая. Этимъ-то манеромъ песокъ и передуваетъ съ мѣста на мѣсто, и заноситъ новыя мѣста.

Киргизы много мѣстъ и теперь еще помнятъ, что на ихъ памяти замело пескомъ. Прежде трава была хорошая, скотины сколько кормилось, а потомъ надуло песку. А ужь когда онъ попалъ, отъ него не открестишься—все занесетъ, все засыпетъ, и станетъ тутъ такая же песчаная степь, какъ Кара-Кумъ. Вѣтры тутъ все больше въ одну сторону лѣтомъ дуютъ, оттого пески такъ изъ году въ годъ и подвигаются впередъ, все дальше идутъ, новыя мѣста захватываютъ.

Впрочемъ не все же въ этой степи песчаные бугры встрѣчаются. Тамъ, гдѣ мѣста не вовсе песчаныя выходятъ, а попадается и глина, онѣ поросли особыми кустарниками—саксаулъ и джингилъ. Чудный видъ имѣютъ мѣста, покрытыя этими растеніями. Почти постоянный вѣтеръ вырылъ и унесъ песокъ оттуда, гдѣ онъ не былъ скрѣпленъ корнями этаго кустарника; тамъ же, гдѣ спутались и расползлись эти корни, песокъ остался въ видѣ высокихъ кочекъ,

увѣнчанныхъ зелеными коронками саксаула и розовыми кистями джингила. Кочки эти мѣстами такъ высоки, что верховый легко скрывается за ними.

Особенно много саксаула здѣсь ростетъ. Есть мѣста, въ которыхъ идутъ цѣлые лѣса. Ростетъ лѣсъ въ безводныхъ степяхъ, такъ онъ на наши лѣса нисколько не походитъ. Саксаулъ выше не бываетъ, какъ двѣ сажени ростомъ, а толщиной въ полъаршина. Стволъ у него корявый, съ узлами, изогнутъ весь, и коры на немъ нѣтъ. Вѣтки тонкія ростутъ, вродѣ какъ у ивы. Листья крохотныя, и не разглядѣть ихъ. Стоитъ голое дерево, точно у насъ ивнякъ зимой. Саксаулъ ростетъ очень туго: въ полъаршина толщиной онъ не ранѣе выростетъ, какъ лѣтъ черезъ двѣсти.

Саксаулъ рубить топоромъ нельзя — онъ какъ желѣзный, топоръ обломать можно. А ударь по немъ обухомъ по крѣпче, весь разлетится на куски. Если въ воду его бросить—потонетъ, очень тяжелъ. А горитъ такъ, что ни одному дереву противъ него такого жару не дать.

Кромѣ саксаула и джингила попадаются между барханами узкіе полосы луговъ, на которыхъ мелкая осока ростетъ. Весной на этихъ лугахъ для скотины хорошій кормъ; оттого киргизы и кочуютъ здѣсь съ весны. Тогда только и оживаетъ не на долго эта безлюдная степь.

Лѣтомъ же, когда я ѣхалъ, киргизы, или въ камыши забираются, или въ горы уйдутъ, тамъ скотину пропитываютъ.

Тянется Кара-Кумъ вплоть до взморья моря Аральскаго и здѣсь кончается.

Отрадно путнику, когда минулъ онъ солончаки, и вотъ, слава Богу, раннимъ утромъ, на другой день пути по пескамъ, справа отъ дороги показались продолговатыя озера—затоны соленой морской воды, оставшіеся послѣ разлива. Появилась вода, появилась и жизнь. Опять пошла хорошая степь: трава, кустарникъ, кое-гдѣ деревца ростутъ.

Ярко бѣлыя крупныя чайки съ крикомъ носились надъ затонами; всѣ отмели пестрѣли этими рыболовами. Множество орловъ неподвижно сидѣли на берегу и ждали чего-то. Вотъ одинъ изъ рыболововъ быстро спустился къ водѣ, черкнулъ по поверхности, захватилъ что-то и быстро понесся къ берегу. Ближайшій орелъ замѣтилъ это, взмахнулъ крыльями, тяжело, словно раскачиваясь, подпрыгнулъ, наискось понесся къ рыболову и заставилъ его выпустить добычу.

Появились аулы, стада, засновали конные и пѣшіе киргизы, а къ полудню и телѣги городскія, а вотъ показались на горизонтѣ очертанія казалинскихъ вѣтряныхъ мельницъ.

Солнце еще не закатилось совсѣмъ, какъ подъѣхалъ я къ этому первому нашему—средне-азіятскому городу. Лѣтъ тридцать тому назадъ пришли русскіе къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, оглянулись да и порѣшили стать здѣсь постоянною твердою ногою.

Новые поселенцы не были хлѣбопашцы, не были купцы, не были горожане, они только дорогу прокладывали для всѣхъ тѣхъ послѣдующихъ, кому охота будетъ въ такую даль да глушь забираться. Да и не пришли эти новые поселенцы своею охотою, а ихъ привели.

Эти поселенцы были—солдаты, а потому хотя они и принялись, тотчасъ же по приходѣ, за лопаты и кирки, только не для мирной обработки земли, а для возведенія боеваго оплота—крѣпости.

Выбрали для этого мѣсто самое прочное, на крутой горѣ, чтобы далеко во всѣ стороны было видно, рвы глубокіе вырыли, стѣны подняли высокія, башни по угламъ поставили круглыя съ выступами, пушки на нихъ подняли чугунныя.

Назвали новый оплотъ — фортъ-Раимъ, потому что гора эта прежде такъ называлась.

И вольный, какъ вѣтеръ, кочевникъ и «*ильчи*»—полудикій хлѣбопашецъ,—и сосѣдній коканецъ и проѣзжій бухарскій купецъ издалека видѣли на стѣнахъ «Раима» незнакомое имъ чужое знамя.

Безъ страха, безъ озлобленія, безъ всякой непріязни смотрѣли они на этотъ кусокъ холстины съ красно-синимъ крестомъ... Велика степь, всѣмъ мѣста хватитъ: что за бѣда, что пришли сюда «бѣлыя рубахи» съ сѣвера и заняли у нихъ всего одну только гору, и то такую, что совсѣмъ она имъ не надобилась, хоть бы ея и вовсе не было. Сами даже помогать русскимъ строиться приходили.

Прошелъ годъ, другой,—къ новому форту довольно таки разнаго пестраго народу понаѣхало, больше безъ всякаго дѣла опредѣленнаго, а такъ, что наклюнется, за то и хватались... Торговать стали, больше всего водкой. Но дѣло было тогда это еще новое, малоприбыльное, потому кочевые киргизы и прочіе азіятцы водкой грѣться не научились еще.

Рѣка Сыръ къ новому форту не подходила, мимо

шла верстахъ въ трехъ, а то и по болѣе; сначала, когда народу было мало, не бѣда была, а какъ сталъ прибывать народъ вышло безъ воды дѣло не ладное.

Скоро пришли къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ большіе обозы колесные и караваны вьючные... Кто шелъ въ головахъ, стояли уже на мѣстѣ, разгрузку начали, а хвосты карамановъ да обозовъ, говорятъ, дней за пять пути еще тянулись... До тѣхъ поръ никогда и не видывали такихъ большихъ карамановъ на Сыръ-Дарьѣ.

Собралось кочевое населеніе со всѣхъ концовъ, смотритъ, что за кладь такую понавезли?

Видятъ—все больше желѣзное, есть и деревянное, полосы кованныя, плиты прокатныя, брусья тесанные; съ гвоздями, съ винтами да съ гайками цѣлые ящики.

Разложили все на берегу, построили навѣсы просторные, печи съ длинными трубами, загородки понадѣлали, стали все привезенное собирать да сколачивать.

Долго глядѣли косоглазые кочевники, ничего не понимали, пока не поразглядѣли въ чемъ дѣло. Какъ только поняли, такъ и покатились со смѣху.

Да и какъ не смѣяться подумаешь: изъ желѣза да лодки—строятъ! чудной народъ съ сѣвера! да и лодки то какія большущія!

— Развѣ желѣзо плаваетъ? Брось-ко его въ воду попробуй, сейчасъ ко дну пойдетъ, занесетъ его тамъ пескомъ и иломъ, не вытащить.... А они лодки! ха! ха!

И пошелъ пересмѣхъ да хохотъ гулять по ауламъ; далеко этотъ смѣхъ разошелся, собралось народу ото

всюду видимо не видимо смотрѣть на дурней, какъ они въ своихъ лодкахъ желѣзныхъ нырять будутъ.

Спустили «бѣлыя рубахи» на воду эти лодки....

Кому смѣшно было—теперь стало страшно... Выпучили глаза, рты поразинули, руки развели: смотрятъ, да и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Кто потрусливѣе, на коня, да въ аулъ по домамъ скорѣе; а кто по бойчѣе—стоятъ на берегу, да молитвы бормочутъ Аллаху и его пророку.

А потомъ съ обща порѣшили, что отъ такихъ людей, которые съ шайтаномъ (т. е. чортомъ) дружбу ведутъ, лучше подальше, чтобъ самому не попасть ему въ лапы.

— Развѣ не дьявольское это дѣло, говорили они, что желѣзо по водѣ плаваетъ?

Все хозяйство, что при лодкахъ было — на берегу устроилось; за одно съ фортомъ хозяйство это, а отъ него далеко. Стали искать такое мѣсто, чтобы свести то и другое. Пошли только по выше не много отъ взморья, безъ малаго за сто верстъ отъ того мѣста, гдѣ рѣка Сыръ воды свои въ море вливаетъ.

Новое мѣсто называлось «Казала». Было уже здѣсь не то коканское, не то хивинское населеніе... Тутъ и стали за ново строиться люди съ сѣвера.

Видитъ азіятскій народъ—дѣло не ладно! Пытались оба сосѣдніе ихъ хана — и хивинскій и коканскій — не разъ мѣшать русскимъ.... А въ ту пору больше половины войскъ ханскихъ вооружены были ножами, пиками да стрѣлами, гдѣ же имъ противъ русскихъ ружей да пушекъ сопротивляться...? Такъ и отстали. Такъ и устроился фортъ № 1-й, называемый также

городомъ Казалинскимъ или по прежнему — «Казалою».

Все больше и больше стало прибывать съ сѣвера русскихъ людей, все шире да шире сталъ расползаться русскій городъ, и скоро столько забралъ подъ себя мѣста, что его на просторный аулъ, съ загонами да съ зимовками, тысячъ на десять кибитокъ хватило бы.

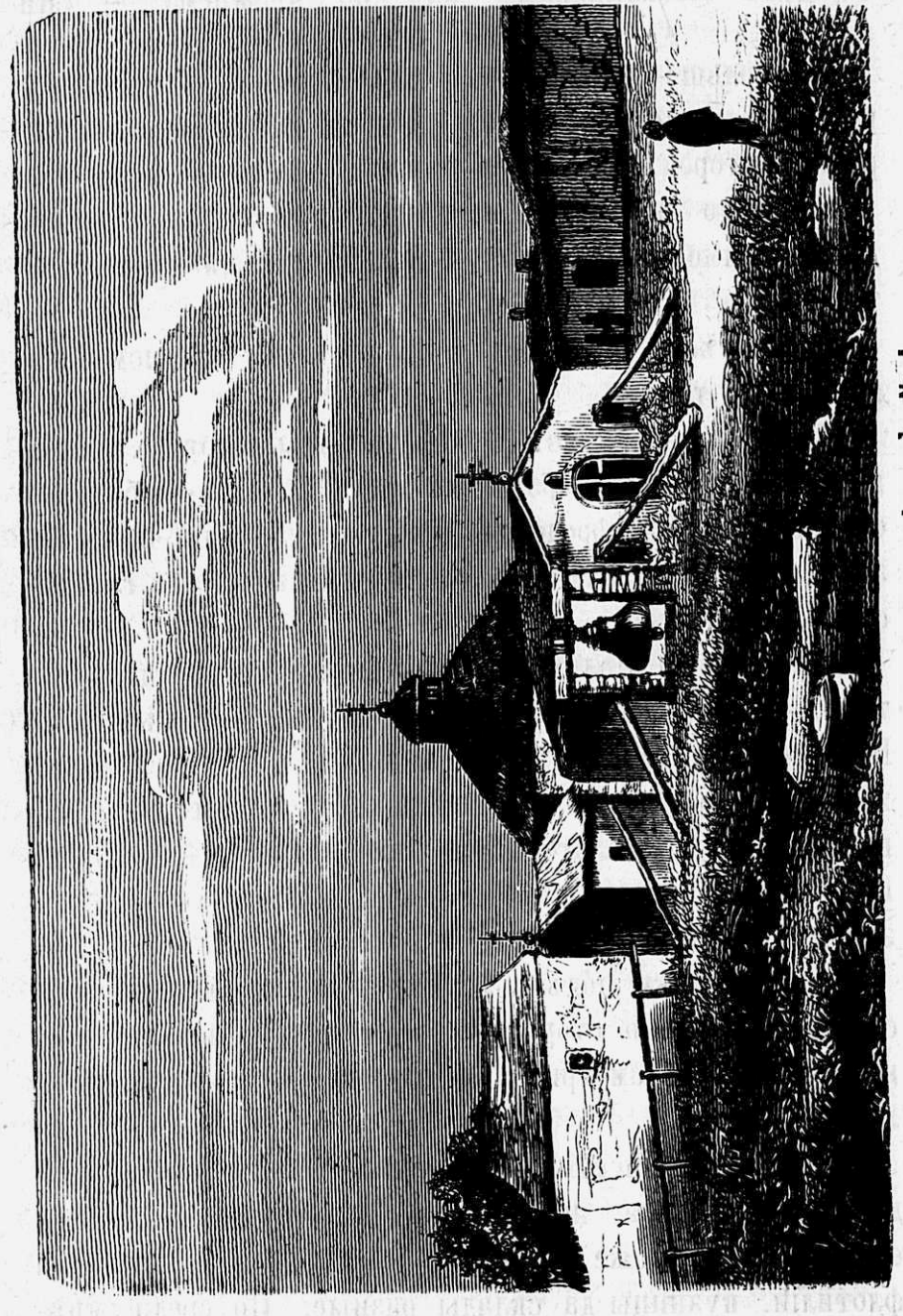
Новое мѣсто пришлось какъ разъ на большомъ караванномъ трактѣ.

Все что везлось изъ Бухары, Хивы и другихъ дальныхъ мѣстъ той стороны въ Россію, въ оренбургскіе склады, на нижегородскую ярмарку, все это чрезъ Казалу проходило. Въ томъ-то перепутьи и стала главная сила новаго города.

Пока русскіе дальше не проходили, дѣло шло еще тихо,—а какъ прошли русскіе вверхъ по Сыру, до Перовскаго и дальше, когда наконецъ полханства бухарскаго, да столько же коканскаго, а потомъ и хивинскаго подъ «Бѣлаго Царя» отошли, обрусѣлъ городъ Казалинскъ и все шире и шире разростается его хозяйское дѣло.

У самой рѣки подъ крѣпость отведено большое мѣсто. Одною своею стороною крѣпость эта черезъ рѣку на тотъ берегъ смотритъ, а другою въ городъ упер лась.

Въ самой крѣпости выстроены все казармы солдатскія, длинныя предлинныя, сѣрыя какъ шинель солдатская... Ближе къ берегу мастерскія сборныя для флотиліи, кузницы да склады разные. По среди крѣпости большое мѣсто пустое оставлено, значитъ пло-



Казалинскъ Церковь и Фортъ №1.

щадь. На стѣнахъ кругомъ пушки поставлены, а около нихъ часовые ходятъ.

Барабанъ всѣхъ по-утру рано поднимаетъ, вечеромъ тотъ же барабанъ въ постель укладываетъ... Сегодня, какъ вчера, завтра какъ сегодня, изо дня въ день, идетъ своимъ чередомъ жизнь казенная, какъ ей слѣдуетъ идти во всякой крѣпости. Зелень кое-какая виднѣется: чахлые кустики тальника стоятъ запыленные, безъ поливки, безъ уходу хозяйскаго...

Только и жизни видно въ крѣпости, что на берегу, гдѣ вѣчно стучатъ кузнечные молоты, валитъ дымъ черными клубами изъ трубъ и копошатся матросики, пароходы да лодки свои улаживая. Опять же тутъ и тѣни по больше, надъ водою разрослись ивы плакучія, а подъ ними скамеечки для отдыха поставлены.

Отдѣляетъ городъ отъ крѣпости широкое пустое мѣсто, все дорогами испещренное; кое-гдѣ, впрочемъ, торчитъ уцѣлѣвшая травка.

Отъ этого мѣста—«эспланады», какъ его здѣсь называютъ—идутъ улицы, длинныя, не мощенныя; лучами они расходятся отъ крѣпостныхъ воротъ и далеко въ степь окрестную расползаются.

Дома построены просторно, съ широкими дворами и пустырями; смотрятъ эти дома на улицу маленькими окошками, по два, по три въ каждомъ, а то и больше. Всѣ они съ виду какъ одинъ, все изъ той же глины сѣрой слѣпленные, рѣдко побѣленые, приземистые: съ добраго коня до крыши рукой достанешь. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ разведены крохотные полисадники, для виду болѣе; торчитъ тополь и тотъ же тальникъ, есть и подсолнечники.

Много такихъ домовъ попадается, что крашенными досками обозначены и на доскахъ тѣхъ «питейный домъ» значится. У этихъ намѣченныхъ домовъ и въ будни и въ праздникъ, одинаково, всегда достаточно народу толпится и русскаго и азіятскаго; тутъ и веселѣе и шумнѣе, а въ прочихъ мѣстахъ тихо.

Поднимется вѣтеръ, закрутитъ пыль по улицамъ, — не зги тогда не видно. А пыли этой по щиколодку — ходить мягко. Да это пыль еще ничего, а вотъ осенью, да въ весеннее время, да послѣ дождей большихъ — тогда бѣда! Изъ дому въ домъ не перейти, у самыхъ заборовъ пробираться надо, и то грязь по колѣно, а серединой улицы лучше не суйся.

Середину города занимаетъ большая четыреугольная площадь. Восемь улицъ сходятся къ этой площади, по двѣ съ каждой стороны. Площадь обставлена кругомъ лавками съ навѣсами и лавками для мелкихъ торговъ. Въ обыкновенные дни лавки эти большею частію заперты, не многіе только торгуютъ, за то въ базарные дни все настежь!

Вотъ какъ разъ на другой день послѣ моего пріѣзда въ Казалинскъ случился такой базарный день.—Раннимъ утромъ, проснувшись, услышалъ я, что какой-то глухой шумъ какъ бы стоитъ надъ городомъ. Перехвативши на-скоро стаканчикъ, другой, чаю, пошелъ я смотрѣть на базаръ казалинскій.

Ужь этотъ базаръ не чета тому, что видѣлъ я въ Иргизѣ городѣ. У насъ въ Россіи, пожалуй, иная годовая ярмарка не будетъ ни многолюднѣе ни оживленнѣе.

Вся огромная площадь базарная была народомъ занята. Шумъ и гамъ такъ и стояли въ кучахъ густой пыли. И говоръ киргизскій и русская рѣчь и верблюжій ревъ и ржаніе коней, блеяніе овецъ, коровье мычаніе, дребезгъ желѣза, звонъ стекла, россійская гармоника и татарская балалайка — все спуталось въ этихъ тучахъ, только не видно за пылью путемъ, что дѣлается, впрочемъ приглядишься хорошенько — увидишь, особливо какъ подольше потолчешься.

Здѣсь вотъ пріѣзжій коканецъ расположился или киргизъ изъ карагайской лѣсной стороны; привезъ онъ на базаръ дерево для кибитокъ; громадные тюки и свертки изъ сѣрой и черно-бурой кошмы прямо на землю свалены, тутъ же и верблюды уложены, на которыхъ привезено все это сюда; сразу и не отличишь скоро, гдѣ тюкъ, гдѣ скотина.

Рядомъ овецъ согнали на розничную продажу, толпятся около нихъ покупщики русскіе, ссорятся, ругаются, курдюки въ сотый разъ перещупываютъ, съ продавцами киргизами чуть не до драки схватываются.

А тутъ же, около, и конямъ идетъ проба: каковъ бѣгъ, да цѣлы-ли ноги; верховые съ гикомъ рыщутъ между пѣшими, сталкиваются, давятъ другихъ и ругаются.

Какъ тѣни проходятъ въ пыли горбатые верблюды навьюченные и такъ—порожніе. Навязаны они цѣпью, другъ за дружкою; на переднемъ вожакъ сидитъ и высоко, высоко киваетъ его бараній островерхій малахай, изъ подъ котораго глядитъ на все черная, закопченая, сроду не мытая, косоглазая скуластая морда.

Вотъ въ одномъ углу собралась толпа погуще—стоятъ вокругъ широкоплечіе киргизы въ верблюжьихъ хала-

тахъ, головы понурили, руки за спину заложили, слушаютъ, какъ слѣпой старикъ, съ жидкой бородой, пѣсни имъ поетъ про былое, про старое время. Предъ пѣвцомъ чашечка деревянная, въ рукахъ у него палка длинная, на головѣ шапка баранья островерхая и видно по этой шапкѣ, что онъ издалека, съ хивинской стороны.

Между бѣлыми рубахами русскихъ солдатъ и желтоватыми халатами киргизъ, яркими пятнами пестрѣютъ красные, зеленые и синіе халаты пріѣзжихъ бухарскихъ купцовъ и евреевъ. Эти послѣдніе съ своими товарами больше по окраинамъ базара держатся, у лавокъ. Тутъ на возвышеніяхъ, разложены кипы краснаго товара, мѣдная и желѣзная посуда, чай, сахаръ, кожи, сбруя разная, сѣдла, московскія привозныя сласти и галантерея. Ярко-зелеными горами лежатъ арбузы, и словно золотомъ желтѣютъ груды спѣлыхъ дынь, запахъ которыхъ такъ и шибаетъ въ носъ, заглушая всѣ остальные запахи.

Казаки рыбаки съ острова Косъ-Арала свой товаръ привезли и разложили на плетеныхъ циновкахъ; лоснятся на солнцѣ большія сомовьи туши, на веревкахъ развѣшана разная провѣсная рыба. Разитъ отъ этого товару такъ, что дай Богъ ноги унести поскорѣе по дальше. Чтожь ты подѣлаешь, когда жарко!

Велика базарная площадь, а и половины всего, что понаѣхало да понавезли, на ней не умѣстилось. Во всѣ улицы торговля растянулась и кипѣла ключемъ казалинзкая жизнь, что котелъ на горячемъ огнѣ.

Чѣмъ дальше тянутся улицы отъ середины города въ поле, тѣмъ меньше и меньше стоятъ на нихъ домики,

а на самыхъ концахъ уже, почитай что совсѣмъ однѣ землянки коптятся и тутъ же начинаются киргизскіе аулы съ своими войлочными кибитками.

Близко эти аулы подходятъ къ городу, особенно съ той стороны, что отъ воды подальше; береговую же полосу наши подъ себя отобрали, потому она степному человѣку не очень-то требуется.

За городомъ табуны бродятъ и стада городскіе подъ присмотромъ киргизовъ—пастуховъ, наемныхъ работниковъ ихъ; на самыхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ степному вѣтру больше простору, мельницы вѣтряки поставлены и далеко онѣ виднѣются, когда подъѣзжаешь къ городу.

Привольно можно жить въ этомъ степномъ городѣ. Скота держи сколько хочешь, хлѣба сѣй сколько можешь, а земля даромъ что суглинокъ, такой съ виду невзрачный, родитъ здорово. Одно—только засухи мѣшаютъ, да опять таки и этой бѣдѣ помочь можно, надо только воду провести изъ рѣки, благо даже канавы для этого есть готовыя, остались отъ той пахатной орды, что здѣсь прежде, еще за долго до прихода русскихъ, сидѣла. Сады фруктовые разводить тоже здѣсь больно сподручно. Впрочемъ жители садами пока мало занимаются, только огороды разводятъ, да бахчи арбузныя да дынныя и далеко, верстъ на двадцать отъ города тянутся они по берегу.

Отъ одной напасти только не можетъ здѣсь оборониться человѣкъ—отъ саранчи. Вотъ какъ разсказывали мнѣ о двухъ такихъ случаяхъ, когда саранча сюда приходила.

Въ 1868 году въ половинѣ іюня, подъ вечеръ при-

скакали киргизы съ лѣваго берега съ страшною вѣстью: «саранча идетъ видимо ея невидимо». Это была медленно подвигающаяся саранча — *пѣшая*, т. е. ползущая. Словно вражеская армія подвигалась она. Первыя линіи этой вражеской арміи были еще далеко и въ Казалѣ успѣли принять всѣ необходимыя мѣры. Мѣсто для обороны вышло очень подходящее: между полчищами саранчи и Козалою была широкая и довольно быстрая рѣка Сыръ-Дарья, чрезъ которую, предполагали сначала, невозможно будетъ перебраться этимъ прожорливымъ хищникамъ. На всякій случай на берегъ былъ выведенъ цѣлый баталіонъ солдатъ, вывезены даже орудія и по всей береговой полосѣ у огородовъ были розложены кучи горючяго матеріала, готовыя, по данному сигналу вспыхнуть цѣпью костровъ и огородить поля этою огненною преградою. Всѣ жители, и старый и малый, собрались на берегу и всѣ были вооружены чѣмъ попало, преимущественно же такими инструментами, которыми можно шуму надѣлать побольше.

Такъ простояли вечеръ и всю ночь; къ утру прискакали еще киргизы... Говорятъ: «близко! земли не видатъ подъ саранчею, глазомъ не видно, гдѣ она начинается, гдѣ кончается!»

Всѣ ждали затаивъ дыханіе и съ тревогой посматривали на противоположный берегъ, на ту сѣро-желтую полосу побережья, на которой пока еще ничего не было видно подозрительнаго.

Но вотъ мало по малу, этотъ сѣро-желтый цвѣтъ сталь дѣлаться все темнѣе и темнѣе, зеленыя мѣста покрылись какъ будто ржавчиною... Вода у берега

окрасилась въ красно бурый цвѣтъ, какъ лента потянулась черезъ рѣку и вдоль этой ленты заклубилась бѣлая пѣна, будто теченіе рѣки встрѣтило какое нибудь плавучее препятствіе.

Это начали спускаться въ воду миріады насѣкомыхъ.

Вотъ передніе ряды насѣкомыхъ спустились въ воду, ихъ неуспѣло еще оттащить теченіемъ, какъ уже новые и новые ряды навалились сверху. Все это не успѣвало тонуть, а на нихъ какъ на живую плотину прибывали все новыя и новыя слои. Образовался клубящійся валъ, все подвигающійся впередъ да впередъ и только медленно сносился онъ на искось рѣчнымъ теченіемъ... Вотъ уже близко онъ отъ городскаго берега; узкая полоса свободный воды пѣнится и прорывается съ страшною быстротою, оно становится все уже и уже... Скоро живой коверъ перекинулся съ одного берега на другой и густой волной сталъ подвигаться къ городскимъ огородамъ...

Выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, трескотня барабановъ и разныхъ инструментовъ, вопли и крики тысячъ голосовъ, наконецъ огромные костры, вспыхнувшіе по всему берегу, не могли остановить этого неудержимаго стремленія.—Почти мгновенно съ стрескомъ и шипѣніемъ погасли костры, заваленные тѣлами саранчи... Все зеленое было мгновенно сожрано миріадами прожорливыхъ животныхъ.

Часа три тянулось опустошительное нашествіе, по направленію къ Кара-Кумамъ, гдѣ саранча положила въ песокъ свои яйца. Зная это обстоятельство, жители на другой годъ ожидали новаго бѣдствія, но ранняя и

дружная весна промыла зароженные пески и унесла зародыши въ Аральское море.

Отъ вторичнаго бѣдствія, 1870 года, въ іюлѣ мѣсяцѣ, казалинцы отдѣлались дешевле, хотя нашествіе саранчи имѣло болѣе страшный, угрожающій видъ.

Около обѣда какой-то необыкновенный шумъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ жителей. Этотъ шумъ былъ похожъ, на шумъ приближающагося урагана, только съ какимъ то зловѣщимъ шипѣніемъ. Потомъ, на юго-восточной сторонѣ неба, показалась темная полоса, все болѣе и болѣе расширяющаяся и скоро захватившая собой полнеба. Не смотря на раннее время дня и высокое положеніе солнца, стало темно, какъ въ густыя сумерки. Эта туча саранчи, шириною около десяти верстъ, толщиною въ нѣсколько саженъ и длиною до 20 верстъ, надвинулась на Казалинскъ и загородила собою солнце.

Саранча летѣла такъ низко, что трудно было ходить по улицамъ.

По лицу, по головѣ, по чему ни попало, непрерывно хлестали насѣкомыя. Милліоны ихъ садилось на землю, милліоны поднимались и летѣли дальше. И опять все зеленое было объѣдено, да истреблено.

Если бы часто такая напасть случалась, совсѣмъ хоть дѣло бросай. Но, слава Богу, она повторяется рѣдко, — такъ, годовъ на семь на восемь приходится одинъ разъ.

Р. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

СТРАНА МѢХОВЪ.

(Составлено по Жюлю-Верну).

ЧАСТЬ I.

*(Продолженіе) *).*

ГЛАВА V.

Появленіе бѣлыхъ медвѣдей.— Нападеніе медвѣдей на жилье. — Затрудненіе въ добывкѣ дровъ. — Удачный выстрѣлъ Мистриссъ Бернеттъ. —Осажденные вынуждены сжечь мебель вмѣсто дровъ. — Сильный ураганъ. — Бой съ медвѣдями.—Землетрясеніе.

Положеніе нашихъ затворниковъ ухудшалось еще и тѣмъ, что они не могли не только выходить за двери, но и видѣть черезъ окна, что дѣлается внѣ дома.

Единственное изъ четырехъ оконъ, въ которое можно было видѣть дворъ конторы, находилось въ концѣ входнаго корридора и не закрывалось наружными ставнями. Но для того, чтобъ видѣть чрезъ него, надо было прежде промыть теплою водою стекла, покрытыя толстой ледяной корой. Это дѣлалось нѣсколько разъ въ день и давало возможность осматривать окресности мыса Батгурста. Въ то же время наблюдалось и состояніе неба, и градусы мороза, по спиртовому термометру, повѣшенному снаружи.

Подойдя однажды къ этому окну, сержантъ Лунгъ вдругъ отскочилъ назадъ, испуганно вскрикнувъ: «медвѣди!»

---

*) Начало помѣщено въ предъидущихъ книжкахъ журнала «Чтеніе для Солдатъ» 1876.

VII 13/2

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ

802-17
1979

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

№№ 13, 14, 15 и 16.

Съ приложеніемъ семи рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

другой разъ захотите сюда придти; но сегодня я предоставляю себѣ честь проводить васъ до вашихъ форпостовъ.

Разговоръ этотъ показывалъ, какое отчаянное положеніе было французской арміи, занявшей Москву. Ждать въ Москвѣ наступленія весны для возобновленія войны, какъ говорилъ Наполеонъ, французской арміи было невозможно: Французы жили въ Москвѣ всего одну недѣлю; остальныя же пять недѣль своего пребыванія въ ней они положительно умирали съ голоду. Необходимо было подумать о скорѣйшемъ оставленіи столицы. Силы непріятеля истреблялись на каждомъ шагу, между тѣмъ какъ силы нашей арміи не только сохранялись, но и увеличивались постоянными подкрѣпленіями. 22 сентября Кутузовъ писалъ Калужскому городскому головѣ Турубаеву, что «недостатокъ въ продовольствіи и совершенная гибель непріятеля неизбѣжна». Дѣйствительно, 6 октября генералъ Бенигсенъ, вмѣстѣ, съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, разбили при Тарутинѣ корпусъ Мюрата на голову. Эта побѣда была началомъ полнаго истребленія великой Французской арміи. 10 октября, генералъ-маіоръ Иловайскій, по распоряженію генералъ-адъютанта барона Винценгероде, овладѣлъ Кремлемъ и очистилъ Москву отъ непріятеля, причемъ овладѣлъ его госпиталями и множествомъ военныхъ припасовъ. Наполеонъ отступая, пошелъ по Калужской дорогѣ въ наши хлѣбородныя губерніи, но путь ему былъ загражденъ Кутузовымъ. Ему не оставалось болѣе ничего, какъ начать отступленіе по разворенной, имъ-же самимъ, Смоленской дорогѣ.

И. Рождественскій.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

(По описаніямъ и разсказамъ путешественниковъ).

Отъ Казалинска до г. Туркестана.

*(Продолженіе *).*

IV.

Уваженіе къ Русскому въ Туркестанскомъ краѣ. — Киргизы-содержатели станцій. — Расторопность киргизъ. — Какъ они проводятъ свой день?—Степь Кизылъ-кумъ.—Воспоминаніе о встрѣчѣ въ степи съ Русскимъ отрядомъ. — Фортъ № 2.—Рѣчка Караузякъ.—Фортъ Перовскій.—Укрѣпленія: Джулекъ, Яны-курганъ, Сауранъ. —Станція Кусмысгилъ.—Разсказы унтеръ-офицера.— Туркестанъ. — Русскій солдатъ — первый основатель поселеній въ краѣ. — Мечеть Азретъ—Султана.

Изъ форта № 1-го, или, что тоже, Казалинска, я продолжалъ свой путь въ фортъ № 2-й — обыкновенная дорога для всѣхъ желающихъ побывать въ Туркестантскомъ краѣ. День былъ базарный, въ форштатѣ кипѣла жизнь. Грязь и вода не мѣшали народу толпиться на базарѣ. Цѣлые эскадроны киргизъ въ мохнатыхъ малахаяхъ разъѣзжали и на лошадяхъ, и на верблюдахъ около стадъ курдючныхъ овецъ и табуновъ лошадей. Крикъ и гамъ народа, ревъ верблюдовъ, ржанье лошадей и блеяніе овецъ—все сливалось въ одинъ общій вой. Я ѣхалъ какъ разъ по самой серединѣ базара и появленіе мое на базарѣ въ тарантасѣ произвело не малую сумятицу и обратило всеобщее вниманіе.

— Тратуръ, тратуръ (постой, постой)! кричала какая-то азіатская фигура, протискиваясь къ тарантасу.

---

*) Начало помѣщено въ 3-й кн. журн. «Чтеніе для Солдатъ» 1876 г.

— Аманъ, аманъ (здорово, здорово)! кричалъ онъ мнѣ, точно глухому, во всю глотку, протягивая въ экипажъ обѣ руки, чтобы поздороваться: счастливый путь!

Ты выѣзжаешь, по нашему, подъ хорошей примѣтой, — продолжалъ онъ, вытаскивая изъ кармана кучу денегъ и показывая ихъ мнѣ,—видишь, я бухарцамъ несу деньги отъ казначея и тебя встрѣтилъ на дорогѣ съ карманами, полными серебра и золота. Это у насъ хорошая примѣта. *Аманъ, аманъ булъ* (будь здоровъ)! закончилъ онъ, соскакивая съ подножки.

Это былъ знакомый хивинецъ, съ которымъ я встрѣтился въ Казалинскѣ. — Такъ-то, туземное населеніе по умиротвореніи края, всегда относилось къ Русскому съ уваженьемъ и при каждомъ удобномъ случаѣ старалось выражать это на самомъ дѣлѣ всевозможными добрыми пожеланіями.

Миновавъ форштатъ, мы поднялись на пологую возвышенность, тянущуюся версты полторы. День былъ ясный, солнце ласково пригрѣвало и умѣряло холодный вѣтерокъ, дувшій съ правой стороны отъ рѣки, затянутой еще ледяною корою. Нигдѣ ни одного деревца, и въ тоже время цѣлые хоры жаворонковъ, овсянокъ и другой пѣвчей птицы оглашали воздухъ; гдѣ только они скрывались—непонятно. Надъ головою, вереница за вереницею, тянулись съ крикомъ по направленію на сѣверозападъ перелетныя птицы, гуси, утки. Словомъ, край изобиловалъ всякаго рода дичью, и киргизъ, мой возница, не безъ гордости указывалъ мнѣ на вереницы птицъ, ловко управляя лошадьми.

Когда я проѣзжалъ краемъ еще во время военныхъ

дѣйствій, Киргизы, тогда въ первый разъ занялись почтовой гоньбой и не умѣли ни запречь лошадей, ни править, ни выбирать дороги. Нынѣ же, этого уже нѣтъ: почтовая гоньба идетъ весьма исправно и киргизы, пріучившись сами править хорошо, пріучили и лошадей къ правильной гоньбѣ.

На станціяхъ здѣсь киргизы народъ весьма разторопный и бойкій, иной разъ попадешь въ большую компанію киргизъ, состоящую изъ ямщиковъ, почтодержателя и его повѣренныхъ или приказчиковъ; тутъ же, цѣлая киргизская семья, которая, нисколько нестѣсняясь присутствіемъ проѣзжающихъ, даже не обращая на нихъ вниманія и сама нестѣсняя никого, исполняетъ при всѣхъ, всѣ свои дневные обиходы. Одинъ разъ я пробылъ на станціи цѣлый день и видѣлъ какъ киргизы проводятъ свое время. Утромъ, напримѣръ, изъ—подъ разныхъ халатовъ, войлоковъ и всякаго хлама вылѣзаютъ на свѣтъ Божій всѣ обитатели юрты и раскладываютъ на срединѣ костеръ, надъ которымъ начинается встряхиваніе бѣлья и всего платья. Потомъ, приносятъ воды, впрочемъ, не для того, чтобы мыться, (киргизы никогда не умываются), а для приготовленія кушанья. Въ этой водѣ, киргизка промываетъ нѣсколько разъ просо, затѣмъ, наливаетъ воды въ *казанъ* (котелокъ) и вѣшаетъ его на треножникѣ, надъ костромъ. Сюда же всыпается просо и варится довольно долго, потомъ казанъ выносится изъ юрты и стоитъ тамъ долго—долго, должно быть, пока не испарится вся вода. Во время такой стряпни, мужчины съ жадностью во взорѣ слѣдятъ за варевомъ. Но вотъ и кушанье готово. Часть свареннаго въ водѣ проса

поѣдается тутъ же, а остальная дѣлится между всѣми и завертывается ими въ кушакъ... Это дневная провизія степняка. Разъ, впрочемъ, я былъ свидѣтелемъ, что въ котелъ брошено было нѣсколько жирныхъ частей верблюжьяго мяса,—но такая роскошь очень удивила меня, и я не отказался попробовать такого блюда (бутка, т. е. каша), но оно оказалось весьма невкусно, такъ какъ было безъ соли и всякой приправы. Киргизы же ѣли съ наслажденіемъ. Казаки, бывшіе при этомъ и учавствовавшіе въ общей трапезѣ, не уступали Киргизамъ; они привыкли къ употребленію здѣсь, въ степяхъ, пищи безъ соли и даже безъ хлѣба, потому что хлѣба въ степи, кромѣ какъ въ фортѣ, негдѣ достать, киргизы его не употребляютъ. Какъ-то, впрочемъ, разъ я видѣлъ, какъ киргизка, изготовивъ такую бутку и выполоскавъ казанъ, снова его подвѣсила надъ огнемъ; сама же въ это время замѣсила прѣсное тѣсто, надѣлала лепешокъ, пришлепнула ихъ къ стѣнкамъ нагрѣвшагося котелка, и, такимъ образомъ испекла на каждаго человѣка по парѣ опрѣсноковъ. Киргизы очень любятъ хлѣбъ, у каждаго проѣзжаго просятъ его и даже воруютъ, а между тѣмъ, кочевая жизнь недаетъ имъ возможности имѣть его, потому что нѣтъ печки. На одной станціи я засталъ пять киргизокъ и одного казака, остальные двое казаковъ и всѣ ямщики были почему-то въ отлучкѣ. Киргизскія жены оказались очень разговорчивы: одна поскакала верхомъ за лошадьми и ямщикомъ, остальныя четверо ухаживали за мною сколько могли, носили воду для самовара изъ Сыръ-Дарьи, бѣгали за колючкою для костра, таскали вещи изъ экипажа въ

юрту и обратно. Я спросилъ казака, можно ли имъ предложить за услуги денегъ.

— Зачѣмъ денегъ, ваше высокоблагородіе? Дайте имъ булочку и будетъ съ нихъ. Куда имъ деньги дѣвать, а хлѣба-то, бѣдныя, можетъ, мѣсяцъ во рту не имѣли,—посовѣтовалъ уралецъ.

Я предложилъ киргизкамъ хлѣба, и что же изъ этого вышло? Эти степныя красавицы замѣтили, откуда доставалъ имъ хлѣбъ, и украли его весь, незамѣтнымъ образомъ. Такія оказіи были не со мной однимъ, а повторяются вездѣ и очень часто.

Дорога между фортами №№ 1 и 2 тянется по правому берегу Сыръ-Дарьи, то удаляясь отъ рѣки, то приближаясь къ ней, по мѣстности не совсѣмъ ровной; станціи находятся постоянно на возвышенныхъ мѣстахъ, которыя скорѣе просыхаютъ; пологія же мѣста, состоящія по большей части изъ солончаковъ, бываютъ залиты водою и образуютъ на нѣкоторое время трясину. За двумя—тремя пригорками гдѣ-нибудь ютится и киргизская деревнюшка.

Чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ форту № 2-го, тѣмъ болѣе чувствовалась весна; снѣга уже нигдѣ не было и мнѣ приходилось только по временамъ ѣхать версты по три, по четыре солончаками, покрытыми водой. Аулы киргизъ встрѣчались все чаще и чаще. Это были передовые того безчисленнаго количества киргизъ, которые теперь то и дѣло двигались изъ глубины песковъ *Кизылъ-кумъ* на сѣверъ къ Сыръ-Дарьѣ въ наши предѣлы. Передовые, по преимуществу, болѣе бѣдные, спѣшили перекочевать на нашу сторону, чтобы перейти рѣку по льду, а не платить потомъ за перевозъ.

Степь Кизылъ-Кумъ (т. е. красная степь), откуда переселялись киргизы, лежитъ на южномъ берегу Сыръ-Дарьи. Въ степи этой голые, сыпучіе пески весьма рѣдки и состоятъ изъ не высокихъ бугровъ (отъ 4 до 8 саж. вышины), часто тянущихся весьма правильными рядами, въ направленіи отъ сѣвера къ югу. Поверхность такихъ бугровъ болѣе или менѣе густо покрыта *рангомъ*,—видомъ осоки. Листья его составляютъ отличный питательный кормъ, которымъ хорошо питаются бараны.

Въ степи Кизылъ-Кумъ произрастаетъ въ необыкновенномъ изобиліи саксаулъ. Какъ превосходный матеріалъ для топлива, саксаулъ, при безлѣсьи въ краѣ, необходимъ для живущаго тамъ населенія и войскъ. Этимъ топливомъ пользовались, главнымъ образомъ, войска, расположенныя въ фортахъ по Сыръ-Дарьѣ, и аральская флотилія, тѣмъ болѣе, что въ первое время основанія фортовъ на низовьяхъ Сыра, саксаульные лѣса были подъ рукой и заготовка дровъ легко производилась самими войсками. Кромѣ того, саксаулъ въ большомъ количествѣ пережигается въ уголь и въ этомъ видѣ въ значительномъ количествѣ продается въ Бухару.

Говоря о Кизылъ-Кумахъ, невольно припоминаешь встрѣчи въ разныхъ мѣстахъ съ отрядами русскихъ войскъ. Такъ однажды подъѣзжаю я съ проводникомъ киргизомъ къ колодцамъ и вдругъ вижу — Русскіе воины расположились бивуакомъ около колодцевъ. Памятно то радостное ощущеніе, которое невольно охватило мое сердце при встрѣчѣ въ песчаной степи съ своимъ роднымъ—Русскимъ человѣкомъ.

Я присоединился къ отряду, и такъ какъ былъ уже вечеръ, то и рѣшилъ ночевать тутъ же у колодцевъ, вмѣстѣ съ отрядомъ. Ночь спалъ на открытомъ воздухѣ вмѣстѣ со всѣми солдатиками.

За нѣсколько часовъ передъ сномъ, по обыкновенію, шумъ смолкъ, всѣ занялись своими дѣлами и соображеніями. Нѣсколько казаковъ стояли кучкой около лошадей и соболѣзновали объ ихъ участи.

— Это бѣда вовсе: такъ подведетъ, такъ подведетъ лошадь, до невозможности. Другой день на одномъ ячменѣ стоитъ, хоть бы какая травка. А теперь даже не знай, какъ и быть. Вожакъ сказывалъ, что двѣ станціи безъ воды пойдемъ. Не знаю, говоритъ, будетъ-ли вода лошадямъ-то, потому, слышно, колодецъ засыпало, да и вода, говоритъ, въ немъ вовсе дрянная была. Ну, говоритъ, за то какъ двѣ станціи пройдемъ, къ горамъ подойдемъ, такъ тамъ озеро есть, все камышомъ, говоритъ, заросло и въ колодцахъ вода хорошая.

— Коли камышъ будетъ, такъ ладно.

— Опять эта вода тоже. Ты смотри, какъ съ нея лошади брюхо дуетъ—бѣда, дрянная вода.

На кошмѣ нѣсколько солдатъ внимательно слушали разсказъ товарища.

— Такъ версты должно быть двѣ отъ крѣпости-то камыши росли, такъ они и пошли рѣзать камышъ на дрова. Только видятъ—трое конныхъ—бухарцы. Кони у нихъ хорошіе, сами въ шашкахъ и съ ружьями. Видятъ бухарцы, что нашихъ солдатиковъ только двое, ружей съ ними нѣтъ, они на нихъ.

— Ужъ, вѣрно, раньше караулили.

— Выждали, не навернется ли кто, подтвердили нѣкоторые изъ слушателей.

— Какъ же не караулить! ихъ тогда кругомъ что ѣздило, проговорилъ разсказчикъ.—Ну, хорошо. Видятъ солдаты, дѣло ихъ яманъ-дарья *). А у нихъ только камышъ одинъ, да серпы. Ну, говорятъ, держись теперь ближе, чтобы не расходиться. Взяли по полснопа камышу да и пошли. Бухарцы на нихъ скачутъ съ шашками. Какъ наскакали вплоть, а солдоты камышемъ-то лошадямъ, да въ морду. А онъ, знаешь, трещитъ—лошади-то назадъ. Бухарцы опять, а солдаты опять камышъ въ дѣло. Такъ и шли, камышемъ отбивались,—тѣ взять ихъ никакъ не могутъ, а стрѣлять боятся, услышатъ въ крѣпости.

— Такъ и ушли?

— Ушли. Должно быть такъ съ версту только оставалось до крѣпости, тѣ ихъ бросили:—у, говорятъ яманъ-урусъ **). Всѣ одобрительно засмѣялись.

У колодцевъ поили лошадей. Казакъ разсказывалъ, какъ обвалился колодецъ.

— Этакъ тоже вотъ мы поили лошадей, одинъ казакъ въ колодецъ провалился.

— Глубоко было?

— Саженей 15-ть. Какъ онъ стоялъ теперь у колодца, такъ земля туда съѣхала вмѣстѣ съ нимъ, срубъ подмыло. Мы думали, ну, молъ, пропалъ казакъ,—задавило. А онъ тамъ сидитъ себѣ вовсе здоровый. Только руку ссадило. Вытащили его, ну, молъ, слава

*) Яманъ—плохой; яманъ-Дарья, худая рѣка—рукавъ Сыръ-Дарьи. Такъ выражаются часто солдаты, желая сказать, что «плохо дѣло»

**) Русскій—злой, гадкій.

Богу, что живъ остался. Еще въ одной кучкѣ шелъ слѣдующій разговоръ:

— Однако, этотъ песокъ сегодня испортилъ многимъ глаза! говорилъ кто-то.

— Нѣтъ, это теперь еще благодать въ степи-то, осенью; а попробуй-ка по ней лѣтомъ походить. Вотъ тогда скажешься. Мы прошлый годъ ходили. Ну, и жары же были. Ни въ кибиткѣ, ни въ палаткѣ, сидѣть было нельзя. Днемъ въ этихъ пескахъ такая жара, что не то, что люди, ящерицы, птицы, насѣкомыя, эти постоянные обитатели степи, и то не выдерживаютъ: всѣ залѣзутъ подъ саксаулъ или въ норы и сидятъ, съ мѣста не двигаются. Вотъ эти большія ящерицы, что вчера, кажется убили, потомъ мелочь разная, что теперь такъ быстро бѣгаетъ, и та раскиснетъ, хоть руками бери. Къ колодцамъ, бывало, какъ придемъ, станемъ поить скотину, налетятъ разные жуки, осы, сырой песокъ сосать. Истомишься, за день-то, ужасъ какъ; придешь на станцію, ночью спать отъ духоты нельзя, особенно если дуетъ знойный вѣтеръ. Вотъ тогда такъ дорога водица-то, а теперь, вотъ хоть напримѣръ завтра, пройдемъ прелюбезно.

Еще съ ночи было отдано приказаніе приготовить мѣшки для запаса воды. Мѣшки эти изъ цѣльной козлиной шкуры наливались водой, тщательно завязывались и навьючивались на отдѣльныхъ верблюдовъ. Перевозка воды въ кожанныхъ мѣшкахъ (миши) заимствована у киргизъ, которые, въ своихъ степныхъ переходахъ, всегда берутъ нѣсколько такихъ миши. Но миши эти неудобны: болтаясь на верблюдахъ, они

рвутся при столкновеніяхъ, при движеніи между саксауломъ и колючкой, или даже лопаются еще во время самой вьючки. Вода въ нихъ сильно усыхаетъ и принимаетъ особый отвратительный запахъ мѣха и всего того тряпья, о которое приходится тереться имъ на бокахъ верблюда. Такъ что деревянныя баклаги или боченки несравненно лучше киргизскихъ приспособленій.

Съ наборомъ воды и обѣдомъ передъ безводнымъ переходомъ отрядъ прокопался довольно долго, и вышелъ позднѣе обыкновеннаго. Степь смотрѣла впереди какъ будто суровѣе, чѣмъ всегда. Двинулись молча. Солдаты клали кресты продолжительнѣе обыкновеннаго. Около колодца деньщикъ собирался поить засѣдланную офицерскую лошадь. Какой-то шутникъ солдатъ подбѣжалъ къ ведру.

— Эхъ, напиться, знать, до пьяна въ послѣдній разъ, да и закаятся! разсмѣшилъ онъ всѣхъ.

Я также продолжалъ свой путь, но не вмѣстѣ съ отрядомъ, а въ противуположную сторону, къ форту № 2-й.

До форта № 2-й мнѣ оставалось ѣхать всего двѣ станціи. По дорогѣ попадались въ безчисленномъ количествѣ рябки, чибисы и фазаны. Вереницы гусей пестрили чистое лазоревое небо; ниже ихъ, съ крыканьемъ, неслись на сѣверъ утки, не соблюдая такого порядка, какъ гуси, а въ разсыпную. Мнѣ вспомнился разсказъ однаго азіата объ охотѣ въ этихъ краяхъ; онъ, желая лучше выразиться, о множествѣ перелетной птицы, сказалъ: «у насъ птицы затмѣваютъ весеннее солнце;—и вѣдь азіатъ-то сказалъ почти правду:

дѣйствительно, перелетной птицы было необыкновенно много. Кромѣ птицы въ воздухѣ, гораздо большее количество ея отдыхало на землѣ и на весеннихъ случайныхъ озерахъ, образовавшихся отъ стоковъ снѣжныхъ ручьевъ. Я и возница мой набили разной птицы такъ много, что у меня даже стало тѣсно въ тарантасѣ и я въѣзжалъ въ фортъ № 2 съ готовымъ запасомъ провизіи.

Было раннее утро; въ фортѣ еще все, кромѣ часовыхъ, покоилось крѣпкимъ сномъ. Видъ форта № 2 гораздо величественнѣе форта № 1; на сѣверо-западномъ углу его построена изъ жженаго кирпича зубчатая башня, а надъ всѣми постройками форта возвышается церковь.

Фортъ № 2-й основанъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи при сліяніи двухъ ея рукавовъ: Караузяка и Джаманъ-Дарьи. Противоположный берегъ представляетъ прекрасную луговую низменность, между тѣмъ какъ этотъ состоитъ изъ песка, щебня и камня и лишенъ всякой растительноети. Въ фортѣ, не смотря на всевозможныя старанія, до сихъ поръ не могли возрастить ни одного деревца:—въ половинѣ лѣта почва такъ раскаливается, что всякая зелень перегораетъ, не смотря на самую тщательную поливку. Вслѣдствіе этого при фортѣ не водворилось ни однаго поселянина и все населеніе состоитъ изъ комендата, доктора, одного субалтернъ-офицера и 10-ти человѣкъ горнизонной команды. Торговли въ фортѣ тоже нѣтъ, все необходимое доставляется или изъ форта № 1-й или же закупается у проѣзжающихъ въ степь караванъ. Но при всемъ томъ обитатели форта, какъ я

замѣтилъ, не скучаютъ: они занимаются охотою, рыбною ловлею и проч. Комендантъ форта, у котораго я пробылъ цѣлый день, разсказывалъ про жизнь гарнизона.

— Мы здѣсь занимаемся рыбною ловлею: сазановъ ловимъ острогою, а на шиповъ, щуку и лещей у насъ есть неводъ.

— А есть въ Сыръ-Дарьѣ стерлядь? спросилъ я.

— Какже, есть. Есть у насъ также славная мелкая рыба, въ родѣ селедки; хотѣлось бы посолить да то бѣда, нѣтъ знатоковъ этаго дѣла; оренбургскіе казаки не охотники до рыбалки, а уральскихъ въ степи мало оставляютъ.... Сыръ-Дарьѣ теперь скоро пора пройти, замѣтилъ комендантъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Дѣйствительно, Сыръ-Дарья вскрылась въ эту же ночь. Мой тарантасъ перевезли на ту сторону, отдѣльно, а я переправился съ комендантомъ, который ѣхалъ посмотрѣть, много-ли солдатики приготовили саксаула.

— Вотъ посмотрите, какое необыкновенное явленіе —въ рѣчкѣ Караузякъ течетъ вода голубая, обратился ко мнѣ комендантъ;—а тамъ, въ Джаманъ-Дарьѣ, сѣрая, какъ на всемъ Сырѣ. Это, говорятъ, оттого, что Караузякъ заростаетъ камышемъ; камышъ каждую осень гніетъ, падаетъ и ложится на дно, а въ Джаманъ-Дарьѣ камышей нѣтъ, и вода-то въ Караузякѣ затхлая немного.

Когда мы проѣзжали Джаманъ-Дарью, камендантъ указалъ мнѣ на нее и тутъ я увидѣлъ, какъ сливались между собою два рукава: сѣровато-мутная струя Джаманъ-Дарьи отбивалась къ берегу быстрымъ потокомъ совершенно голубаго Караузяка. Богъ знаетъ, камыши-ли причиною, что вода Караузяка имѣетъ голубой цвѣтъ, или же онъ имѣетъ новые источники, отчего вода его становится голубой.

Распростившись съ комендантомъ, я выѣхалъ съ тѣмъ же ямщикомъ и проѣхалъ по ровной мѣстности три станціи, не встрѣчая нигдѣ остановки. Только позадержали меня на станціи Куликинской: не могли долго собрать сбрую.

Усѣвшись въ тарантасъ, я взглянулъ на козлы и что же вижу? Тамъ сидѣлъ опять тотъ же киргизъ-ямщикъ, который везъ меня отъ форта № 1.

— Ты какъ опять сюда попалъ? спросилъ я его.

— А я, видите-ли, поставляю саксаулъ отъ форта № 2 до форта Перовскаго, и мнѣ надо побывать въ Перовскомъ; вотъ почему я и ѣду съ вами.

Часа черезъ три, мы съ киргизомъ были на берегу Сыръ-Дарьи, сдали тамъ лошадей обратному ямщику и должны были ждать до вечера желѣзнаго баркаса, на которомъ предстояло добраться до форта Перовскаго. Наступилъ вечеръ, и на поворотѣ рѣки завидѣлась мачта баркаса, но прошло еще порядочно времени, пока онъ причаливалъ къ берегу, разложилъ мостки и принялъ насъ къ себѣ. Человѣкъ двадцать солдатъ подъ командою однаго урядника составляли экипажъ баркаса; тутъ были мордва и черемисы и казанскіе татары—выходцы изъ поволжскихъ губерній.

Солдатики шутили между собою сначала, а потомъ какъ сѣли гресть, то затянули пѣсню, знакомую каждому русскому:

«Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,

По широкому раздолью»...

Подъ это пѣніе я скоро заснулъ на чистомъ воздухѣ и проснулся уже тогда, когда подъѣхали къ форту Перовскому и тарантасъ мой начали втаскивать на берегъ, Это было въ ночь на 19-е марта.

Фортъ Перовскій, при входѣ въ ворота, представляетъ улицу, обсаженную съ обѣихъ сторонъ деревцами. Онъ основанъ въ 1853 году. Въ фортѣ, а также въ форшадтѣ и слободкѣ множество одноэтажныхъ домовъ. Въ фортѣ имѣется весьма хорошо устроенный фруктовый садъ; кромѣ множества плодовъ, въ немъ произрастаетъ виноградъ. Природа въ фортѣ Перовскомъ великолѣпна; только комары въ лѣтнее время страшно докучаютъ жителямъ и животнымъ. Лошадей предохраняютъ отъ нихъ, покрывая бѣлыми чахлами.

Торговля въ фортѣ Перовскомъ весьма значительна; годовой торговый оборотъ доходитъ до 80,000 р. слишкомъ. Большая часть продаваемаго здѣсь товара состоитъ изъ произведеній азіатской мануфактуры, а также мѣстныхъ произведеній; изъ русскихъ издѣлій здѣсь съ громадною выгодою продаются вещи, выдѣланныя изъ желѣза; также идутъ входъ юфть, кожи, ситцы и коленкоръ. Киргизы, окружающіе постоянно фортъ въ огромномъ количествѣ, скупаютъ охотно нѣкоторые русскіе товары, преимущественно желѣзный. Киргизы въ послѣднее время начали сознавать преимущество русскихъ издѣлій передъ бухарскими, и непремѣнно брали-бы только русскія издѣлья, если-бы русскіе купцы торговали товаромъ, уже совсѣмъ приготовленнымъ для ношенія, потому что гдѣ-же киргизу тачать сапоги или шить себѣ халатъ; тогда какъ бухарцы привозятъ къ киргизамъ халаты, тюбетейки и готовую обувь и вымѣниваютъ все это на барановъ или верблюдовъ, а русскій купецъ требуетъ деньги, да еще и за неприготовленный матеріалъ.

Въ фортѣ Перовскомъ и около него въ киргизскихъ кочевьяхъ разведены огромнѣйшіе огороды. Въ слободѣ форта живутъ поселенные солдаты, для которыхъ отведена земля; ихъ огороды отличаются отъ киргизскихъ только тѣмъ, что обсажены развѣ подсолнечниками; способъ-же обработки перенятъ ими отъ киргизъ. Арбузы, дыни, тыквы, огурцы, здѣсь поспѣваютъ въ огромнѣйшемъ количествѣ; картофель киргизы пока не разводятъ; табакъ русскіе солдаты получаютъ изъ Россіи, киргизы-же отъ бухарцевъ и отъ русскихъ солдатъ. Киргизы чрезвычайно любятъ табакъ, кладутъ его за щеку, нюхаютъ, но не курятъ. Называютъ табакъ киргизы *насвай*, т. е. носовой нюхательный табакъ.

Побывавъ у кого мнѣ было нужно въ фортѣ, я къ вечеру уже оставилъ фортъ Перовскій, направляясь къ укрѣпленью Джулекъ.

Между фортомъ Перовскимъ и Джулекъ идетъ рядъ барханов и песчанныхъ переваловъ. Въ лѣтнюю пору, на этихъ барханахъ встрѣчаются разнородныя ящерицы и множество тарантуловъ (степной паукъ); которые ядовито кусаются, такъ что укушеніе ихъ иногда причиняетъ смерть; говорятъ, что укушенный въ шею долженъ непремѣнно погибнуть; если-же тарантулъ укуситъ кого-нибудь въ руку, въ ногу, въ спину или въ бокъ, то изцѣленіе возможно. Укушеніе производитъ значительную опухоль, которая излечивается на-

стоемъ тарантула на прованскомъ или деревянномъ маслѣ.

Между барханами, въ сторонѣ налѣво, видны богатыя пастбища со стадами овецъ, огромными косяками лошадей и кучами верблюдовъ, бродящими въ разброску.

Послѣдняя станція передъ Джулекомъ Таръ-Тугай стоитъ, какъ и всѣ предшествовавшія станціи, на Сыръ-Дарьѣ. До нея меня конвоировали двое верховыхъ отправлявшіеся къ своимъ табунамъ; одинъ изъ верховыхъ былъ толстякъ не высокаго роста; другой смахивалъ на казанскаго татарина; не много не доѣзжая станціи, они своротили въ аулъ.

Станцію, какъ видно, содержалъ богатый купецъ, потому что юрта для проѣзжающихъ была богаче убрана, и нѣсколько молодыхъ киргизъ въ дорогихъ халалатахъ распоряжались запряжкою лошадей. Лошадей дали отличныхъ, и тридцати-верстное разстояніе я проѣхалъ незамѣтно. На право Сыръ–Дарья, налѣво вдалекѣ горы и между ними множество киргизскихъ кочевокъ невольно обращали на себя мое вниманіе. Наконецъ, предсталъ Джулекъ. Это одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ фортовъ новѣйшей постройки.

Укрѣпленіе Джулекъ построено въ 1861 году для защиты отъ нападенія киргизовъ и бухарцевъ, а главное, для наблюденія въ военное время, за ихъ дѣйствіями. Населеніе Джулека состоитъ только изъ гарнизона; постороннихъ поселенцевъ не имѣется. Земля здѣсь кругомъ весьма плодородная и сѣнокосы близки, а то привелось-бы, чего добраго, ѣздить за сѣномъ за сорокъ верстъ, какъ въ Уральскомъ укрѣпленіи. Топливо здѣсь также въ изобиліи, потому что кругомъ саксауловыя рощи, джида.

Я недолго оставался въ Джулекѣ и, быстро слѣдуя впередъ, пріѣхалъ на слѣдующее утро въ туркестанское укрѣпленіе Яны-Курганъ. Оно занимаетъ очень небольшое пространство. Стѣна крѣпости довольно высока: аршинъ 10 въ вышину и внизу аршина 4, а вверху аршина 2 въ толщину. На верху были устроены бойницы. Мѣстность, на которой стоитъ Яны-Курганъ, чрезвычайно живописна. Каратаускія горы какъ-бы подходятъ здѣсь ближе къ крѣпости; Сыръ-Дарья протекаетъ почти возлѣ крѣпости; кругомъ множество дичи, которая скрывается въ цвѣтущей зелени. Яны-Курганъ для насъ русскихъ памятенъ тѣмъ, что въ этомъ укрѣпленіи находился нѣкоторое время г. Сѣверцевъ, во время своего плѣна.

Слѣдующая станція была въ Сауранѣ, тоже туркестанскомъ укрѣпленіи. Сауранъ, въ окружности около 2½ верстъ, обведенъ стѣною и рвомъ въ видѣ неправильнаго четыреугольника. Ровъ почти заросъ колючкою и разными сорными травами, а стѣна обвалилась. Слѣдовъ амбразуръ нѣтъ. Вся стѣна сложена изъ сырцоваго кирпича, мѣстами, около воротъ и ближе къ основанію стѣны встрѣчается дикій камень. На сѣверной сторонѣ крѣпости находятся двѣ башни, отстоящія одна отъ другой сажени на три, съ минаретами, вышиною сажень въ 15 отъ земли, въ поперечникѣ аршинъ 6. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ Сауранѣ нѣкогда стояла кавалерія завоевателя Тамерлана.

На станціи находилось нѣсколько уральскихъ каза-

ковъ, собиравшихся на рыбную ловлю; они только ждали моего отъѣзда. Рыба играла на зарѣ, оставляя на поверхности воды большіе круги.

— Вишь ты, вишь ты, Господи, рыба-то какъ играетъ, — замѣчалъ одинъ нетерпѣливый казакъ. — Кабы намъ съ тобой, Гурилевъ, поймать осетрика икряного. Куда ужъ, неводъ истаскался весь, не поймаешь.

— А Богъ не оставитъ, такъ изловишь,—замѣтилъ низенькій съ черною бородой кургузый казакъ, Гурилевъ.

— Вона, вона; гляди: вишь, такъ и выпрыгиваетъ изъ воды вся; здѣсь, видно, притонъ рыбій.

Не знаю, много-ли наловили казаки рыбы,—я вскорѣ уѣхалъ. Наслѣдующей станціи, Кусмысгилѣ, я встрѣтилъ проѣзжавшаго унтеръ-офицера. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ и разсказывалъ всѣмъ о сраженіи подъ Акъ-булакомъ.

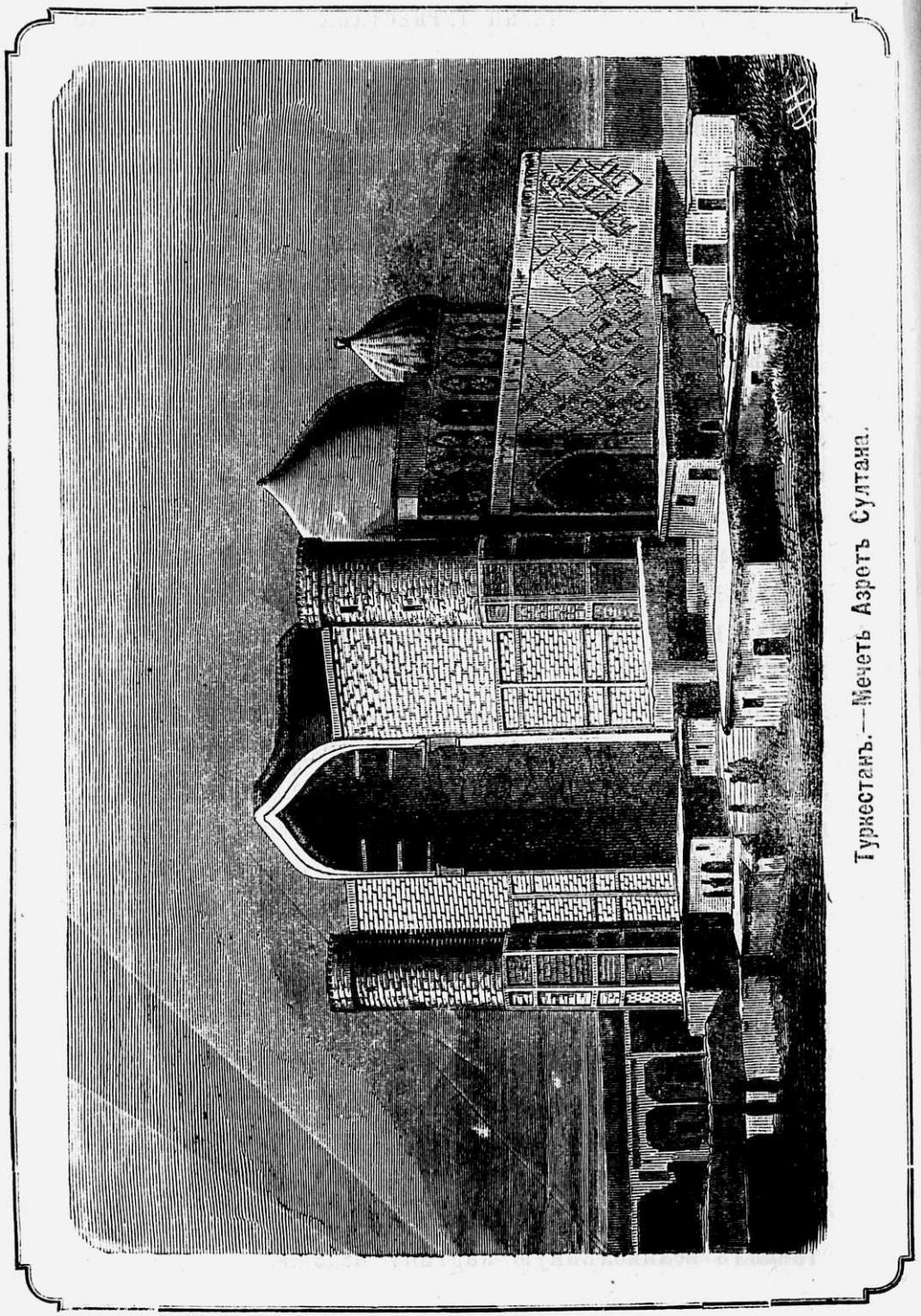
«Стоимъ мы,—говорилъ онъ,—смотримъ, видимо невидимо окружаетъ насъ коканское войско; Алимкулъ самъ былъ тутъ, значитъ сила; тысячъ двѣнадцать было непріятеля. Мейеръ нами командовалъ; мы построились въ каре да и начали ихъ лущить изъ пушекъ. Первая пли! Вторая пли! Третья пли! Тра-та-та-та-та. И пошли, и пошли, Алимкулъ пустилъ на насъ свою пѣхоту, состоявшую изъ бѣглыхъ солдатъ. Три приступа дѣлали, только шли подлецы тихимъ шагомъ; а какъ подойдутъ на картечный выстрѣлъ, мы ихъ картечью и благословимъ. Солдатики наши бѣдные истомилась, взмолились Богу, цаловались, прощались между собою. «Прощай другъ, Игнатьевъ, —

говоритъ одинъ солдатикъ другому,—ты мнѣ, братъ, двугривенный долженъ, помяни на этотъ двугривенный мою душу христіанскую». Мы шли тогда на соединеніе оренбургской линіи съ сибирской изъ Туркестана. Нашихъ убито и ранено порядочно, а ихнихъ и не перечесть сколько. Вдругъ слышимъ въ сторонѣ выстрѣлы; Господи, какъ мы обрадовались, что генералъ Черняевъ послалъ къ намъ изъ Чикмента подмогу. Да, по правдѣ сказать, было дѣло! Какъ прибыло подкрѣпленіе да какъ начали лущить коканцевъ съ двухъ сторонъ, такъ они въ мигъ всѣ разбѣжались.

Потомъ разсказывалъ онъ, какіе трусы киргизы. Ѣхалъ будто-бы гдѣ-то офицеръ безъ конвоя; вдругъ, откуда ни возмись, выскочило киргизъ человѣкъ двадцать и съ крикомъ кинулись за нимъ. «А у него кромѣ подзорной трубки ничего съ собою не было. Лупитъ офицеръ свою лошадку, да видитъ, что съ ней ничего не подѣлаешь, и наводитъ на киргизъ свою подзорную трубку. Тѣ перепугались, мошенники, подумали, что у него пушка, да драло отъ него въ сторону и попрятались; а онъ проѣхалъ какъ ни въ чемъ не бывало».

Выслушавъ разсказчика, я продолжалъ путь въ Туркестанъ. Не доѣзжая до него 8-ми верстъ, я переѣхалъ черезъ рѣчку Карачикъ, на берегахъ которой найденъ каменный уголь.

Туркестанъ былъ видѣнъ еще много раньше со своимъ знаменитымъ храмомъ (мечетью) Азретъ — Султана. Освѣщенный солнечными лучами, городъ представлялъ великолѣпную картину издали.



Туркестанъ.—Мечеть Азретъ Султана.

При видѣ этого города, невольно припоминаешь, что въ Туркестанскомъ краѣ первымъ основателемъ поселеніи (колонизаторомъ) былъ русскій солдатъ. Онъ прокладывалъ себѣ дорогу, занималъ мѣсто, селился. Поэтому и всѣ труды по колонизаціи прежде всего падали на него. Онъ дѣлалъ укрѣпленіе, строилъ дома, казармы, ровнялъ, ломалъ, чистилъ, — словомъ, онъ дѣлалъ первое поселеніе (колонію), закрѣплялъ мѣсто за русскими. Но недолго обыкновенно приходилось ему пользоваться плодомъ рукъ своихъ. Укрѣплялось мало-мальски поселеніе, и новая война гнала передовыхъ солдатъ дальше, все впередъ и впередъ. Тутъ, на новыхъ мѣстахъ, опять солдатъ начиналъ строить и водворяться.

Въ Туркестанѣ есть баталіоны *), которые двигались или изъ Оренбурга вверхъ по всей Сыръ-дарьинской линіи, или изъ Омска на югъ, по Семирѣчью, и затѣмъ далѣе за Ташкентъ до крайняго нашего пункта на югѣ,—Катта-кургана, и на всемъ ихъ пути (около полторы тысячи верстъ) ни одно укрѣпленіе не миновало ихъ рукъ; нѣтъ колоніи, надъ устройствомъ которой не работали-бы солдаты. Каковъ это долженъ быть трудъ, можно судить, напримѣръ, потому, что на этой линіи движенія войскъ, только съ 1864 года по 1868, были взяты и построены: Туркестанъ, Чемкентъ, Ташкентъ, Чиназъ, Ходжентъ, Уратюбе, Зааминъ, Джизакъ, Яны-курганъ, Самаркандъ и Катта-курганъ. Въ каждомъ такомъ пунктѣ солдатъ, помимо труда, затраченнаго на его взятіе, долженъ былъ построить

*) Какъ, напримѣръ линейные №№ 3, 4 и 5.

укрѣпленіе, казармы, управленія, лазаретъ, слободки, лавки,—словомъ, образовать всю колонію собственными руками.

Такимъ образомъ, занятіе Туркестана представляется для солдата сплошнымъ громаднымъ трудомъ; его первое заселеніе (колонизація) — чисто дѣло солдатскихъ рукъ, солдатской груди, солдатской спины...

Но вотъ и самый г. Туркестанъ; въ садахъ его еще издали замѣтно большое оживленіе: кто занятъ работами, кто просто гуляетъ... Вотъ показались и ворота съ мостикомъ, перекинутымъ черезъ ровъ, и за ними на горѣ возвышался дивный храмъ Азрета. Издали онъ гораздо лучше, чѣмъ вблизи. Даль скрадываетъ множество его недостатковъ; напримѣръ, на одной сторонѣ есть выбоины отъ русскихъ ядеръ; эти выбоины издали незамѣтны и не мѣшаютъ его красотѣ. Туземцы говорятъ, что мечеть Азретъ-Султана построена еще при Тамерланѣ, и что онъ будто-бы заложилъ ее передъ походомъ въ Россію. Тутъ похоронена дочь его, и надъ нею-то воздвигнута эта мечеть. Налѣво отъ нея находится небольшое зданіе съ куполомъ. У входа къ мечети направо и налѣво находится нѣсколько могилъ. Мечеть Азретъ-Султана своимъ наружнымъ видомъ, внѣшними изразцовыми украшеніями, рѣзными надписями изъ корана и входомъ въ видѣ арки, напоминаетъ постройки мечетей и дворцовъ, въ Персіи.

Внутри мечети имѣется множество темныхъ келій, также пекарни, подземные колодцы и разные проходы. Эти пекарни и колодцы построены, какъ полагаютъ, на случай нападенія непріятеля, дабы обезпечить защитниковъ цитадели отъ голода и жажды. Темныя-же

келіи, выходящія во внутренность зданія низкими дверцами, служили въ прежнее время для молитвенныхъ собраній послѣдователей Азретъ-Султана. И понынѣ, съ четверга на пятницу, собираются къ могилѣ его туркестанскіе фанатики и впродолженіе многихъ часовъ, читая молитвы, сопровождаютъ ихъ разными кривляньями, безчисленными глубочайшими вздохами, доводящими непривычныхъ до безпамятства, и плясками кругомъ гробницы, до изнуренія.

Описаніе самаго города Туркестана, его внутренней и внѣшней жизни будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ сего журнала.

П. Ермолинъ.

Отступленіе Французовъ отъ Москвы въ 1812 г. (Къ 31 стр.)

ЧТЕНІЕ
для
СОЛДАТЪ

802-17
1980

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ 18-ти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

*(Продолженіе *).*

V.

Отъ г. Туркестана до Чекмента.

Базаръ въ Туркестанѣ.—Чай-Хане.—Сарты.—Воспоминаніе о казанѣ Сѣровѣ.—Станція Акъ-муллы.—Рѣка Арысъ.—Г. Чекментъ.

Въ предыдущихъ очеркахъ Туркестанскаго края я имѣлъ въ виду по возможности знакомить моихъ читателей со всѣмъ, наиболѣе замѣчательнымъ изъ видѣннаго мною на пути до г. Туркестана. Бывши въ Туркестанѣ, я много видѣлъ интереснаго, и что достойно вспоминанія, то и передаю читателямъ.

Городъ Туркестанъ, издали и при въѣздѣ въ него, представляетъ черезвычайно красивый видъ, въ особенности тѣхъ живописныхъ мѣстъ, съ которыхъ видна замѣчательная мечеть Азретъ-Султана. Туркестанъ весь обнесенъ стѣною изъ прочнаго камня; вокругъ города раскинуты богатѣйшіе сады и тянутся они на много верстъ во всѣ стороны. Сады эти вполнѣ южные сады—съ персиками, миндалемъ, грѣцкими орѣхами и фисташками, съ тутомъ, садовымъ вязомъ и чинаромъ, съ винной ягодой, гранатами и виноградниками... Лѣтомъ всѣ жители помѣщаются внѣ города, въ этихъ

*) Начало помѣщено въ 1, 2, 3 и 4-й книжкахъ Чтеніе для Солдатъ 1876 года.

садахъ. Солдаты тоже располагаются въ садахъ лагеремъ; но этотъ лагерь совсѣмъ не то, что лагерь въ Россіи. Огромнѣйшій, густой тутовый садъ, принадлежавшій когда-то Хану, отданъ весь подъ лагерь. Подъ широкими, раскидистыми вѣтвями шелковичнаго дерева тянутся ряды полотенъ, стоятъ бараки изъ камышевыхъ плетенокъ, разныхъ формъ туземныя палатки, и подъ этими крышами помѣщаются солдаты и офицеры. Вдоль широкой дороги, прорѣзывающей садъ, блестятъ линіи ружей, торчатъ ротные значки. Дальше вглубь множество лошадей и хуни. По другую сторону дороги, подъ такимъ-же тутовникомъ виднѣются зеленые лафеты съ мѣдными орудіями и коновязи.

Г. Туркестанъ состоитъ въ вѣдѣніи Туркестанскаго военнаго генералъ-губернатора. Населеніе города самое

Типы Сартовъ.

разнообразное; тутъ живутъ и киргизы, и хивинцы, и коканцы, бухарцы, афганцы, сарты — словомъ смѣсь разныхъ племенъ, и—наконецъ Русскіе.—Жизнь въ Туркестанѣ самая кипучая, дѣятельная. На город-

скомъ базарѣ, я не мало былъ удивленъ тѣмъ многолюдствомъ и разнообразіемъ, которые рѣдко можно встрѣтить гдѣ-либо.

Городской базаръ представляетъ длинную линію строеній и почти весь выстроенъ изъ нежженаго кирпича; поверхъ стѣны переброшены длинныя жерди, которыя покрыты рогожами и всякимъ тряпьемъ, чтобы защититься отъ жары и дождей. Огромнѣйшій базаръ этотъ кишмя кишилъ ѣдущими и идущими, но наиболѣе ѣдущими. Лавки всѣ открыты, всѣ товары на лицо. На высокихъ тротуарахъ, крытыхъ галлереяхъ, на чистыхъ кошмахъ и коврикахъ сидятъ торговцы, покупатели и гости. Тутъ-же во многихъ лавкахъ и работаютъ: шьютъ, стругаютъ, куютъ, точатъ, набиваютъ и т. д. Продаются на базарѣ и ситцы русскіе, и остъ-индская кисея, сушеные фрукты, чай, сахаръ, гвозди, сундуки, чугуны. На клочкахъ бумажекъ, въ тряпочкахъ, мѣшечкахъ и коробочкахъ лежатъ: мѣдный купоросъ, бура, сѣра, какіе-то корешки, соль, оловянныя кольца и пуговицы, жестяные браслеты, грязный засаленный изюмъ, куча вонючаго мыла, деревянная посуда и многое множество другихъ мелочей тянутся однѣ за другими. На веревкахъ развѣшаны: волосяные арканы, бичевки, подпруги, болтаются ногайки. Въ балаганчикахъ разложены соблазнительныя для туземцевъ вещи: уздечки, разукрашенныя крупнымъ желѣзнымъ наборомъ, кожанные чехлы на круглыя чашки; длинные ряды узенькихъ ножей съ оловянныти гайками, отливающими точно серебро, тяжелыя огнивы, желтые сапоги. Тутъ-же куски бѣлой бязи, верблюжьей армячины. Покупатели по-долгу просиживаютъ на корточкахъ около

кошемъ съ товарами, совѣтуются между собою, многорѣчиво и крупно объясняются съ торговцами.

Путается и тѣснится народъ на базарѣ, а по степи со всѣхъ концовъ постоянно прибываетъ множество вереницъ новыхъ людей, ѣдущихъ на базаръ или купить и продать что-либо, или же просто затѣмъ, чтобы потолкаться тамъ, поглазѣть, поболтать, узнать новости. Вообще, въ Средней Азіи базары для туземнаго населенія имѣютъ совершенно не то значеніе, какимъ они пользуются у насъ. На базаръ идутъ и ѣдутъ множество людей совсѣмъ не за покупками, а какъ въ людное интересное мѣсто, гдѣ можно встрѣтить множество знакомыхъ и поговорить съ ними.

Киргизъ, съ дѣтства, съ молокомъ матери всосалъ въ себя всѣ качества своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Онъ не можетъ жить безъ движенія, безъ шатанья. Дома ему дѣлать нечего, такъ какъ всѣ труды и заботы по хозяйству взвалены на женщинъ и наемныхъ работниковъ; любопытство въ немъ развито самое ненасытное: ему нужно все знать, вездѣ присутствовать лично, болтать, кипятиться, хлопотать. Ему хочется знать всѣ новости, разсказы, слухи. Гдѣ-же, какъ не на базарѣ, можетъ удовлетвориться его любопытство. Базаръ—это праздникъ, ярмарка, клубъ для киргиза. Господи, сколько тамъ людей, вещей, рѣдкостей... И въ такое мѣсто да не ѣхать?!.. Тутъ киргизъ можетъ вдоволь насмотрѣться, накричаться, что называется по ихнему—отвести душу. Я видѣлъ и слышалъ, какъ напримѣръ, трое киргизъ около какого-то балагана страшно шумѣли, они взвизгивали то и дѣло и рѣчи ихъ лились потокомъ. Двое изъ нихъ вырывали другъ у

друга какую-то вещь, а третій между ними помогалъ то одному, то другому. Сколько жару, вспышекъ, брани, хлопанья по плечамъ, по рукамъ! Человѣкъ, незнакомый съ нравами туземцовъ, сказалъ-бы, что у киргизовъ идетъ ссора, дѣлежъ силой, и что третій ихъ разнимаетъ. Ничуть не бывало, они просто торгуются, причемъ этотъ средній человѣкъ совершенно постороннее лицо. Онъ или сосѣдъ — торговецъ, или такъ только знакомый, попавшій сюда случайно, а тутъ, безъ всякаго для себя интереса, онъ хлопочетъ, весь обливаясь потомъ за двоихъ; онъ то соединяетъ насильственно руки покупщика и торговца, то дергаетъ изъ стороны въ сторону продающуюся вещь. Но тутъ даже не трое, а цѣлая куча людей. Кругомъ стоитъ народъ и наблюдаетъ, обсуждая вслухъ и товаръ, и цѣну, и дѣйствующихъ лицъ.

Вотъ по базару прошли молодые богатые туземцы съ двумя хорошенькими бачами впереди, въ щегольскихъ кашмировыхъ чалмахъ и шелковыхъ кушакахъ. Двое индійцевъ въ шапочкахъ и въ туго подпоясанныхъ ремнями халатахъ остановилось съ заложенными назадъ руками и посматриваютъ какъ-то воинственно смѣло, по-командирски, своими большими выразительными глазами, надъ которыми между бровями выведена красная и бѣлая черточки. Проѣхалъ авганецъ, напоминающій бандита, смуглый съ большими бровями и бородой, съ огромными густыми вьющимися волосами, въ красной чалмѣ, черной куртке и весь увѣшанный оружіемъ. Трое юношей евреевъ, съ черными какъ смоль пейсами, протащили двѣ пары куръ за ноги. Легкой рысцой, чуть-чуть похлестывая ногайкой виляющую хвостомъ лошадь, ѣдетъ туземецъ на высокихъ стременахъ и везетъ сзади сѣдла свою супругу, закутанную съ головой и руками въ безобразный халатъ съ черной непроницаемой сѣткой на лицѣ. Выкрикиваетъ прибаутки старый пирожникъ, весь перепачканный въ кунтужномъ маслѣ. Скрипитъ арба.

Сартъ.

Тихо, незамѣтно посиживаетъ на самомъ поворотѣ базарной линіи площади грязный поваръ въ оборванномъ халатѣ и легонько раздуваетъ вѣеромъ угли въ небольшомъ ящикѣ, на стѣнкахъ котораго уперты проволоки съ жарящимся шишлыкомъ. Стонутъ и зазы-

ваютъ калѣки нищіе, сидя на самомъ юру, съ протянутыми къ проходящимъ и проѣзжающимъ чащками и руками. Спокойно, важно сидятъ трое муллъ въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ... Пестро, свѣтло, ярко, по восточному перепутанъ и засыпанъ весь базаръ.

Русскихъ тоже очень много, но они какъ-то теряются въ огромной толпѣ пришлаго люда; только штыки виднѣются изъ-за множества чалмъ. Два солдата въ портупеяхъ возвращаются съ базара, гдѣ они толкались за-компанію съ покупавшими что-то товарищами. Мимо нихъ пробѣжалъ мелкой рысцой крошечный косматый ишачекъ съ жиденкомъ и солдатомъ сзади, почти волочившимъ ноги по землѣ.

— Сичасъ мала—мала посмотрѣлъ и айда назадъ, объяснялъ добродушно солдатъ мальчишкѣ. Тотъ забормоталъ что-то въ отвѣтъ, на что солдатъ отвѣчалъ: ну да, якши.

— Ты куда это катишь на рысакѣ-то? окликнули солдата встрѣчные.

— Корову смотрѣть, корову покупаемъ, отвѣтилъ тотъ и заболталъ ногами, погоняя ишака.

Дальше по дорогѣ солдаты натолкнулись на толпу людей. Одинъ продрался въ середину.

— Коверъ покупаютъ, передалъ онъ назадъ другому, когда ему, поднявшись на цыпочки, удалось заглянуть въ середину. Туземецъ, на котораго особенно усердно поналегъ солдатъ, чтобы поглядѣть на коверъ, оглянулся съ сердитымъ видомъ, приготовясь уже хорошенько выругаться, но увидя передъ собою вплотную солдатскіе усы, онъ вдругъ осклабился и подмигнулъ навалившемуся служивому.

— Что ты на меня смотришь, пучеглазый? На мнѣ узоровъ нѣту, обратился къ нему солдатъ, вовсе не заботясь о томъ,—понимаетъ-ли тотъ его рѣчь.

— Яхши гелямъ (хорошій коверъ), улыбаясь проговорилъ туземецъ, заискивая.

— Якши, да не твой. А ты вотъ себѣ такой купи.

— Яхши... протянулъ туземецъ, не зная и самъ для чего онъ это говоритъ.

— Эхъ ты, кызынскай, покончилъ вдругъ солдатъ, уходя изъ толпы и нахлобучивая туземцу чалму на глаза. Тотъ нырнулъ въ толпу и тотчасъ-же поднялся оттуда, уже поправивъ чалму, оглянулся кругомъ и засмѣялся вмѣстѣ съ другими непрошеной солдатской шуткѣ.

Солдаты пошли дальше, продолжая какой-то прерванный остановкой разговоръ.

На самомъ базарѣ слоняется множество нашихъ солдатиковъ и казаковъ; кто изъ нихъ пришелъ за дѣломъ, а кто и такъ, «глаза чешетъ», какъ говорятъ они сами-же. Больше всего ихъ тамъ, гдѣ образовалось что-то въ родѣ толкучки, т. е. продажи разной мелочи и старья съ рукъ. Тутъ народъ не ходитъ, а толчется. Слышатся русско-киргизскія восклицанія рядомъ съ бойкой, рѣзко выдающейся киргизскою рѣчью.

Солдаты толкаются не плоше киргизовъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ и пяля глаза на все, что больше выдается изъ ряда обыкновенныхъ предметовъ.

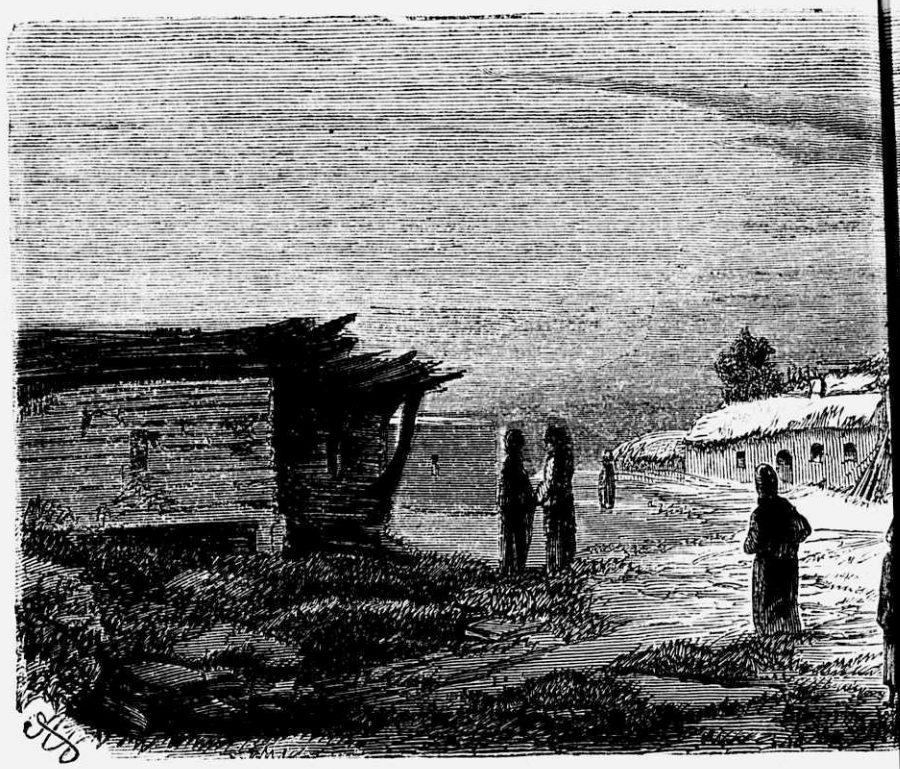
— Чего ты тутъ, Егоровъ, дѣлаешь? окликаетъ одного чей-то знакомый голосъ и знакомцы жмутъ другъ другу руки.—Аль, покупаешь что?

— Нѣтъ, такъ разгуляться вышелъ; а ты чего?

— Вотъ трубочку купилъ. Достается изъ кармана новая трубка съ свѣтлой мѣдной оправой.

— Трубка отличная, послѣ тщательнаго осмотра и продуванія, хвалитъ Егоровъ.—Что далъ?

— Двѣнадцать копѣекъ.



Базаръ въ Туркестанѣ.

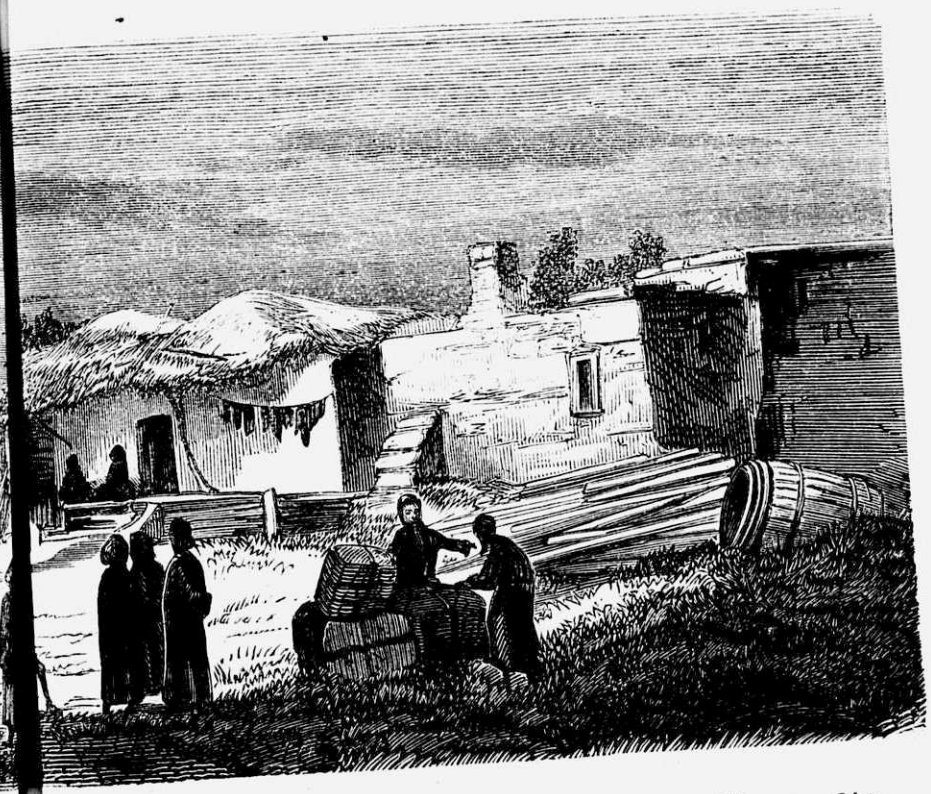
Трубка идетъ въ слѣдующія руки, также тщательно осматривается и передается хозяину съ замѣчаніемъ: «трубочка ладная».

— Къ ней чубучокъ нужно подобрать, знаешь какой—франтовской.

— У меня есть—великолѣпный...

Черезъ нѣсколько шаговъ имъ попадается другой землякъ съ висящимъ на рукѣ старымъ, порыжѣвшимъ, изодранымъ мундиромъ; съ отпоратыми пуговицами.

— Аль, продаешь?



(Къ стр. 34.)

— Продаю.

— Много-ль давали?

— Да вотъ одинъ киргизинъ пятнадцать копѣекъ надавалъ было.

— А много-ли просишь-то?

— Тридцать пять.

— Такъ... Оно не дорого.

Солдаты разошлись.

У чай—хане (ресторанъ) и въ немъ самомъ биткомъ набито народу; тутъ-же много и солдатиковъ. При входѣ одинъ солдатикъ звалъ другаго пить чай.

— Гриша, пойдешь что-ли чай пить? спрашиваетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто самъ не знаетъ—идти или нѣтъ: пойдешь, молъ, что-ли! А?

— Денегъ у меня нѣтъ чаи-то распивать, отвѣчаетъ безучастно Гриша.

— Да ужъ я зову, не твоя забота—тебя угощать не заставятъ...

— Коли угощаешь, такъ чего нейти. Ай, у тебя денегъ много?

— Да ужъ сколь есть—все наше. Ты иди, знай, чай-то пить.

— Пойдемъ, пойдемъ...

Они вошли въ средину. Всюду солдатскія фитуры, съ оружіемъ и безъ оружія. Нѣкоторые пьютъ чай, другіе закусываютъ, иные читаютъ газеты.—Немного поодаль, въ чистомъ отдѣленіи, сидѣло нѣсколько человѣкъ офицеровъ. За буфетомъ здѣсь продавались бѣлый хлѣбъ, пирожки съ говядиной и сахаромъ, пельмени и особенное блюдо шишлыкъ, которое трещало надъ угольями.

— Здравствуйте, чай да сахаръ, скромно раскланялись пришедшіе въ чай-хане солдатики и сѣли на свободныя мѣста.

— Благодаримъ, оглянулись на нихъ тѣ, къ которымъ относилось привѣтствіе, и замолчали.

— Ну.. что замолчалъ? сказалъ одинъ изъ ихъ партіи, говори, ничего...

— Пошелъ ты къ праху! отвѣтилъ другой, замѣтивъ, что одинъ изъ товарищей мигнулъ ему на пришедшихъ.

Сартянка.

— Эхъ вы, полноте! да это свои солдаты, нешто я ихъ не знаю. Одинъ Горевъ... замѣтилъ товарищамъ молчавшій дотолѣ солдатъ.

— Это чего? обернулся Горевъ, принимаясь за чай.

— Да вотъ онъ сомнѣвается напримѣръ... васъ не знаетъ.

— Зачѣмъ-же сомнѣваться? Въ насъ не сомнѣвайтесь. Насъ вонъ Егоровъ очень хорошо знаетъ.

— Да я не къ тому. А что, можетъ быть, говорю, чужіе пришли... А мнѣ что, Богъ съ вами. Я къ слову сказалъ, что которые если незнаковые, такъ зачѣмъ-же я буду говорить, напримѣръ, о своихъ ротныхъ дѣлахъ и проч. Здѣсь базаръ...

— Нѣтъ этого у насъ нѣтъ, чтобы передавать. Говори, что угодно. Насъ, братъ, вонъ онъ знаетъ не первый годъ, да и Веревкинъ генералъ тоже знаетъ...

— Они солдаты извѣстные, какъ мнѣ ихъ не знать. За ними никакого этакаго обычая, чтобы, по злости или изъ желанія выслужиться у начальства,—донести что на товарища,—нѣтъ; я ихъ обоихъ знаю: и Горева знаю, и другаго—тоже ихней же роты...

Всѣ замолчали, только слышны всхлипыванія пьющихъ чай, да короткіе: «что не пьешь? Пей еще!..»

Кромѣ упомянутыхъ товаровъ на базарѣ въ огромномъ количествѣ сбываются киргизами бараны. Базаръ въ Туркестанѣ—это центръ киргизской торговли въ Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь всегда есть скупщики ихъ произведеніи. Повѣренные богатыхъ ташкентскихъ купцовъ постоянно живутъ здѣсь, чтобы закупить изъ первыхъ рукъ матеріалъ, необходимый для караванной торговли. Туркестанскіе купцы везутъ иногда кладь съ веревками, войлоками и шерстью въ Ташкентъ и другіе города. Огромное количество проса привозится киргизами въ Туркестанъ и тамъ сбывается на базарѣ. Не меньшее количество цытварнаго сѣмени провозится

черезъ г. Туркестанъ въ Россію. Словомъ—торговля ведется весьма значительная.

Туземное населеніе г. Туркестана составляютъ сарты,—крестьяне; въ отличіе отъ сартовъ другихъ городовъ, называются туркестанскими сартами, и бытъ и житье ихъ всѣхъ нѣсколько между собою разнится.

Туркестанскіе сарты строятъ дома въ одинъ этажъ изъ сыраго кирпича или лѣпятъ стѣны изъ комковъ глины. Стѣны домашнихъ угодій, конюшенъ, хлѣвовъ, амбаровъ, а у богатыхъ и помѣщенія для прислуги выведены на улицу; покои-же хозяевъ находятся во второмъ дворѣ, который бываетъ всегда чище перваго какъ постройками, такъ и мостовою.

Туземецъ, имѣющій средства, обмазываетъ какъ наружныя стѣны, такъ и внутреннія стѣны своихъ покоевъ известкою и украшаетъ лѣпною работою. Архитектура весьма незатѣйлива, и почти всѣ дома походятъ одинъ на другой. Каждый покой состоитъ изъ трехъ глухихъ стѣнъ, въ которыхъ мѣстами дѣлаются углубленіе въ родѣ шкафовъ для посуды; четвертая-же сторона состоитъ изъ большой деревянной рамы, въ которую вдѣланы нѣсколько оконъ съ бѣлою намасляной бумагою вмѣсто стекла, иногда съ ставнями, запирающимися извнутри. Это—зимнее помѣщеніе, для лѣта-же рядомъ съ такою комнатою находится терраса съ крышею на деревянныхъ разукрашенныхъ колоннахъ. Во время ненастной погоды и когда начинаются холода, доходящіе здѣсь до 8—10 градусовъ, туземцы оставляютъ эти террасы и прячутся за бумажныя окна, гдѣ отогрѣваются особымъ способомъ принятымъ у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Посрединѣ комнаты ставится та-

буретъ, или низенькій столикъ покрытый толстымъ одѣяломъ, края котораго достаютъ до всѣхъ четырехъ стѣнъ; подъ табуретъ ставятъ большой глиняный тазъ, наполненный горячею золою и горячими угольями, тепло отъ угольевъ распространяется подъ одѣяломъ и желающіе согрется садятся или ложатся кругомъ стѣнъ, покрываясь одѣяломъ. Нынѣ и туземцы начинаютъ понемногу строить у себя русскія печи. Кухня устраивается на женской половинѣ, т. е. на второмъ же или на третьемъ дворѣ; состоитъ изъ одной небольшой печки, въ которую вмазанъ чугунный котелъ. Конечно, не всѣ пользуются одинаковыми житейскими удобствами; и въ Туркестанѣ можно встрѣтить, хотя не много, такихъ бѣдняковъ, которые не только не въ состояній содержать семейство, состоящее изъ одной жены, но даже въ ненастныя и холодныя ночи принуждены скрываться въ развалинахъ заброшенныхъ домовъ.

Осмотрѣвъ все наиболѣе достойное вниманія, я продолжалъ мой путь къ Чекменту. Отъѣхавши верстъ восемнадцать отъ г. Туркестана, я нежданно очутился на полѣ сраженія, Сѣровъ съ сотнею уральскихъ казаковъ отбивался отъ пяти или шести тысячъ коканцевъ. Изъ сотни едва спаслось тридцать семь коканцевъ, бросивши орудіе—горный единорогъ. Алимкуръ, предводитель коканскій отлилъ до пятнадцати небольшихъ мѣдныхъ орудіи, но вскорѣ всѣ эти единороги достались намъ и находились въ то время на берегу Сыръ-Дарьи, близъ Чиназа, въ вѣдѣніи генералъ Черняева, командовавшаго самаркандскимъ отрядомъ и стоявшаго на противоположномъ берегу съ войсками.

Мѣтность, по которой я ѣхалъ, была холмистая.

Каратаускія горы приближались здѣсь на довольно близкое разстояніе. Повсюду видны были водопроводныя каналы, обильно доставляющіе воду, и зеленѣлъ ячмень или просо. Киргизы работали на поляхъ; лучи жгучаго солнца палили ихъ обнаженное тѣло.

На станціи Акъ-муллы прибыло ко мнѣ три казака, и мы отправились на рѣку Бугунь, которую и переѣхали безъ особенныхъ хлопотъ и отправились на станцію Арысъ. Мѣстность отъ этой станціи становилась все холмистѣе и холмистѣе. Въ сторонѣ виднѣлись большія зданія киргизской постройки. Я проѣхалъ одну брошенную деревню и поспѣлъ къ Арысу еще засвѣтло. Тамъ находился киргизъ, завѣдывавшій переправою; онъ навьючилъ мои вещи на верблюдовъ и отправился самъ вплавъ черезъ Арысъ. Я переправился также благополучно.

Съ Арыса приходится то подниматься въ гору, то спускаться, и такъ вплоть до самаго Чекмента. Но чѣмъ ближе къ Чекменту, тѣмъ спуски и подъемы въ горы становятся круче. Начинало темнѣть, прохладный вѣтерокъ подулъ съ горъ, когда я подъѣжалъ къ Чекменту. Здѣсь начинаетъ темнѣть рано, и сумерки продолжаются не долго. Не доѣжая до Чекмента, виднѣлись по обѣимъ сторонамъ дороги огоньки отъ киргизскихъ кибитокъ. Но вотъ, наконецъ, и самый Чекментъ. Я благополучно въѣхалъ въ него и остановился въ домѣ для пріѣжающихъ.

П. Ермолинъ.

(Продолженіе будетъ съ рисунками).

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ

802-17
1981

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

№№ 21, 22, 23 и 24.

Съ приложеніемъ пяти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.

дамъ и мужчинъ, которые махали шляпами, платками и проч. По вступленіи въ Парижъ, Императоръ Александръ объявилъ, что не намѣренъ вступать въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ либо изъ его фамиліи. Тогда французскій сенатъ, руководимый Талейраномъ, объявилъ Наполеона и его семейство лишенными престола. Королемъ, съ согласія союзныхъ монарховъ, былъ провозглашенъ старшій братъ покойнаго Людовика XVI, графъ Прованскій, подъ именемъ Людовика XVIII.

Наполеонъ въ то время находился въ Фонтенебло, близь Парижа. Узнавъ о рѣшеніи сената, онъ думалъ было еще сопротивляться, имѣя въ своемъ распоряженіи до 40 т. войска, но самые близкіе люди отказались служить ему, и онъ долженъ былъ подписать свое отреченіе. Наполеону былъ предоставленъ островъ Эльба, куда онъ и былъ препровожденъ подъ конвоемъ.

Такъ кончилась великая война, доставившая миръ и спокойствіе всей Европѣ. Наполеонъ сдѣлалъ было попытку нарушить этотъ миръ, снова завладѣть престоломъ Франціи; но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ на островъ Св. Елены, гдѣ и умеръ въ 1821 году.

Н. Зерновъ.

ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА.

(по разсказамъ и описаніямъ путешественниковъ).

*(Продолженіе *).*

VII.

Отъ Чекмента до Ташкента.

Вечеръ и утро въ Чекментѣ.—Воспоминаніе о штурмѣ Чемкента.—Городъ Чекментъ.—Проводы безсрочныхъ.—На пути къ Ташкенту.—Ташкентъ: видъ его до въѣзда въ цитадель.

Днемъ азіатскіе города всегда безлюдны. Солнце такъ печетъ, такъ все сушитъ и накаливаетъ, что все живое, куда только можно, прячется отъ него. Въ небазарный день народъ днемъ —только на базарѣ, да и тамъ онъ больше толчется около балагановъ съ холоднымъ питьемъ и снѣгомъ. По другимъ улицамъ рѣдко кого увидишь. Вяло проѣдетъ верхомъ туземецъ, подымая пыль столбомъ, да кое гдѣ проплетется рѣдкій пѣшеходъ.

Я пріѣхалъ въ Чекментъ, когда солнце уже закатилось, жара спала и все, что пряталось днемъ, высыпало теперь на улицу.

Усѣвшись съ стаканомъ чая предъ окошкомъ, я заглядѣлся на площадь. Вотъ тянутся на водопой артиллеристы и фурштаты и сталкиваются въ воротахъ съ

*) Начало помѣщено въ предъидущихъ книжкахъ журнала «Чтеніе для Солдатъ» 1876.

ѣдущими туда-же казаками; пыль улеглась и видно какъ на ротныхъ дворикахъ высыпалъ народъ, на половину безъ шапокъ. Они размѣстились кучками, какъ попало, и еле перекидываются словами. Кто то учитъ кудластаго щенка поносѣ, а съ учителемъ и другіе любуются, какъ кутенокъ бѣжитъ за брошеной щепкой. Ротные собаки для простору выбѣжали на самую средину площадки. А вотъ еще валитъ здоровенный песъ, весь малиновый, и своимъ появленіемъ вызываетъ говоръ, шутки и смѣхъ.

— Ишь, нарядный сталъ какой Рябка-то, говоритъ кто-то: писаный, въ чулочкахъ.

— Это его Полоховъ росписалъ—самъ хозяинъ. Да и не одинъ Рябка крашеный. У насъ у многихъ руки-то малиновыя: сегодня штаны красили, да сандалу-то осталось вдоволь, вотъ мы и давай имъ, окрашивать что кому подъ руку попало.

Движется еще скотинка, откормленная солдатиками—командирскій боровъ. Идетъ онъ степенно откуда-то въ роту, поглядываетъ въ землю на право и на лѣво, фыркаетъ и хрючитъ.

— Ѳомка, Ѳомка! встрѣтили его солдаты.

Боровъ остановился передними ногами, повернулъ задъ, поднялъ рыло и уставилъ свои глупые узенькіе глаза на солдатъ, поводя хрюкаломъ въ воздухѣ.

А вотъ и Мишка-жеребенокъ, баловень всей роты. Мишка знаетъ всевозможные фокусы и штуки; онъ даже умѣетъ воровать самымъ игривымъ манеромъ. Въ казарму онъ ходитъ послѣ обѣда, съ торбой на шеѣ, и, за то что всякій изъ солдатиковъ суетъ ему кусокъ хлѣба, онъ пріятель имъ: лижетъ руки, дергаетъ за

рукава; чужому же человѣку Мишка не дастся ни за что.

Пока солдатики забавлялись то съ Рябкою, то съ Ѳомкой, то съ Мишкой, предъ гостинницей, что была на площади, собралось много народа. На мой вопросъ: что тамъ такое? солдатикъ одинъ объяснилъ, что тамъ лошадь смотрятъ. По его словамъ, тамъ привели жеребца, подареннаго самимъ эмиромъ. Я вышелъ на улицу, чтобы ближе посмотрѣть коня.

Предъ окнами гостинницы, въ которыхъ виднѣлись нѣсколько офицеровъ, маленькій вертлявый уралецъ держалъ въ поводу буланаго, высокаго, осѣдланаго жеребца и, снявъ шапку, полупьянымъ голосомъ объяснялъ офицерамъ.

— Онъ тогда вовсе даже отъ рукъ отбился, сколь ни маялись съ нимъ,—не подпущаетъ и шабашъ. Кусается, бьетъ, приступу нѣтъ. Съ этого самаго генералъ его барину и подарилъ.

— Знаю, знаю. Ну какже ротмистръ съ нимъ сдѣлался?

— А такъ, что онъ ихъ совсѣмъ было жизни рѣшилъ. Ну, они тогда изволили это меня, значитъ, къ себѣ позвать: на, говорятъ тебѣ, Шишка, это я, значитъ, Ягуновъ по фамиліи, а они меня Шишкой зовутъ,—ежели выѣздишь, то награду получишь, невыѣздишь, продамъ за что придется, а тебѣ худо будетъ.

— Ну какъ же ты его?

— Все было, ваше бл—діе: думалъ, что головы рѣшусь, однако моя взяла. Какъ сѣлъ я на него, подхватилъ онъ меня несь и даже куда только ему хотѣлось. Бьетъ, бѣда совсѣмъ, скачетъ — ужь я и самъ

незнаю гдѣ; а я только одно наровлю, какъ-бы его больнѣй нагайкой урѣзать. Ну, тоже непонравилось видно: съ двухъ разовъ отсталъ бить. А тамъ дальше да больше—совсѣмъ въ мои руки попалъ.

— Молодецъ, братецъ! И теперь онъ совершенно смирный.

— Онъ-то,—что хочу, то и сдѣлаю! и казачишка однимъ прыжкомъ очутился на сѣдлѣ, подобралъ поводья, поднялъ нагайку и скомкалъ въ клубокъ огромнаго жеребца. Потомъ вдругъ отдалъ поводъ и въ три прыжка уже былъ на краю противоположнаго пруда. Еще секунда и буланый рухнулъ внизъ съ отвѣснаго берега; полетѣли брызги; казаченца повернулъ назадъ, остановился на срединѣ съ брошенными поводьями и сталъ бунтовать сапогами воду. Опять поднялась нагайка и на берегъ, среди брызговъ, вылетѣла лошадь и завертѣлась, заметалась подъ рукой казака.

— Это какъ вамъ угодно, весь откинувшись назадъ и держась только на поводѣ, кричалъ мокрый наѣздникъ: хоть на емъ, напримѣръ, хоть подъ брюхо пролѣзу!

— Фу, чортъ возьми! И это та лошадь, къ которой нельзя было ни подойти, ни сѣсть! дивился народъ.

Только что я вернулся въ квартиру и усѣлся на излюбленное мѣстечко къ окошку, какъ дверь тихо отворилась и въ нее сразу просунулись двѣ головы одна надъ другой. Головы были бритыя, въ замазанныхъ тюбетейкахъ; это были два мальчика лѣтъ 14—15.

— Туря!... силяу (подарокъ), протянулъ одинъ голосъ и оба сартенка, сбросивъ въ сѣняхъ калоши, боязливо протѣснились въ дверь и показали на узелки въ рукахъ.

Съ этими силяу ко мнѣ приходили и въ другихъ мѣстахъ и я зналъ, во что обходятся эти подарки.

— Не надо мнѣ, ну васъ тутъ, ступайте—киттъ, сказалъ я.

Мальченцы не уходили.

— Эга, тюряга, силяу, заговорили они; кишмишъ силяу, гилясъ (черешня) силяу,— и приблизились ко мнѣ, указывая на подарки.

— Постойте-же, проучу я васъ попрошайничать, подумалъ я.

— Ну давай те сюда!

Сартенки торжествовали и съ любопытствомъ слѣдили за мной когда я рылся въ кошелькѣ. Я вынулъ 3 коп., далъ одному изъ нихъ и, неговоря ни слова, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Туря, ике коканъ-берь (2 кокана—40 к. дай)! Я молчалъ и только посматривалъ, что будетъ дальше.

— Эта, туря, два коканъ! кишмишъ-коканъ, эта гилясъ—одна коканъ, вотъ мана, два кокана кирякъ! И, для большей вразумительности, сартенокъ показалъ два пальца.

Я объяснилъ имъ, что они могутъ идти: мнѣ они сдѣлали подарокъ, я отдарилъ ихъ, чего же больше?

— Туря, заговорилъ одинъ помолчавъ, одна коканъ берь.—Затѣмъ стали просить 10 коп., 8,—я все ни гугу. Тутъ мои мальченцы на ципочкахъ подошли къ столу, аккуратно завернули въ тряпочки свои подарки, выложили на столъ мои 3 коп. и, кланяясь какъ-то бокомъ, пошли къ двери.

— Вотъ такъ подарки! невольно засмѣялся я имъ въ слѣдъ.

На площади, между тѣмъ, народъ еще не разошелся, только движенія меньше, шуму не стало и въ кучкахъ солдатъ идутъ росказни.

«Такъ и считалъ, разсказывалъ одинъ солдатикъ: пропали мои пять съ полтинкой. А тутъ на третій день слышу меня кричатъ. Смотрю, солдатъ. «Что говоритъ, землячокъ, не было-ли у васъ какой пропажи? Была, говорю. Деньги, молъ, пропали, столько-то. Наши знали о моей пропажѣ, ему объяснили. «Вотъ, говоритъ получайте, коли ваши». Тутъ и отдалъ. «Только, говоритъ, 20 коп. вашихъ денегъ я стратилъ, ну ужь это за мной будетъ». Я какъ взялъ деньги-то, ужь себя не помню, какъ онъ и ушелъ невидѣлъ, и благодарить путемъ не съумѣлъ. Черезъ недѣлю, должно, на базарчикѣ его я встрѣтилъ, онъ мнѣ 20 к. и отдаетъ обратно. Я было брать не сталъ,—нѣтъ, говоритъ, какъ я теперь знаю, что деньги ваши, то долженъ отдать, потому я самъ солдатъ и солдатскую нужу знаю.— Щегловъ ему и фамилія, 3-й роты. Такъ ничего и непропало. Ну, конечно, что я ему косушку поставилъ.

— Да народъ у насъ есть, хорошій народъ, отвѣтили разсказчику.

На одномъ изъ ротныхъ дворовъ послышалась гармоника и кто-то запѣлъ: «никто не зналъ, какая тамъ затворница живетъ». Тихо пѣлась пѣсенка, тихо подъигрывала и гармоника. Вдругъ пѣсня оборвалась, гармоника зачастила «барыньку» и слышно было какъ чьи-то ноги ударили короткую дробь по утоптанной землѣ, а голосъ сталъ отхватывать пѣсенку:

На горѣ журавки.

. . . . . .

Но недолго звучала пѣсенка. Скоро все смолкло. Ни одной живой души не осталось на площади, только на базарѣ рѣдко раздавались глухіе удары въ огромный караульный барабанъ, да гдѣ-то въ садахъ ревнулъ ослицъ нѣсколько разъ оселъ.

На другой день, я проснулся весьма рано, еще до свѣту и, выйдя изъ комнаты, невольно залюбовался начинающимся утромъ.

Еще чуть брезжется; путемъ невидны ни деревья, ни постройки. Все молчитъ ни малѣйшаго шума, ни одного звука. Но вотъ едва начинаетъ бѣлѣть тонкая полоска на востокѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снизу, изъ подгоры, слышны какіе-то звуки... невнятно, словно вѣтромъ занесенные издалека. Скоро ихъ можно разобрать яснѣе: слышится хорошо какой-то кликъ протяжный, полустонъ, полуплачъ, это «муэдзинъ» зоветъ мусульманъ на утреннюю молитву, что у нихъ замѣняетъ нашъ благовѣстъ На крышѣ мечети, стоитъ служитель аллаха, въ халатѣ, бѣлой чалмѣ, обратясь лицемъ къ востоку, и однообразнымъ тономъ вытягиваетъ великія слова пророка: «ля ильаха, ильалля, мохамедъ расуль алля»... *). За туманомъ его теперь невидать, и лишь ухо слышитъ тянущіе душу звуки. Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, подъ горою слышится вскорѣ другой голосъ, еще и еще. Тихо пробуждается городъ, заслышавъ эти обыденные клики. Правовѣрные торопливо, безмолвно спѣшатъ къ мечетямъ и прудамъ.

А вотъ и другіе звуки... Они раздаются подлѣ, въ самой цитадели и словно въ отвѣтъ городскимъ. Игра-

*) Нѣтъ Бога кромѣ Бога—Мохамедъ пророкъ его.

ютъ «утреннюю зорю», — звуки тоже протяжные, но иного рода. Осторожно будитъ утренняя пѣсенка горниста, словно боится грубо порвать сонъ на разсвѣтѣ, и зоветъ на работу. Солдатики очень ловко толкуютъ ее, подобравъ къ ней такія слова:

Кирка мотыга... солдатска бѣда,
Кирка мотыга... солдатска бѣда!
Бери мѣшокъ,
Тащи песокъ,
Чортъ знаетъ куда...

Солнце не долго медлило за горизонтомъ и выкатилось какъ то разомъ, а чрезъ четверть часа уже бойко, по дѣловому, освѣщало все бывшее предъ глазами.

Я вышелъ за ворота цитадели и предо мною, какъ на ладони, раскрылся весь городъ. Дома, потонувшіе въ садахъ, были не часты, а кромѣ ихъ изрѣдка виднѣлись въ туманѣ киргизскія кибитки, съ дымкомъ надъ ними. Улицы перерѣзывались въ разныхъ направленіяхъ ручейками

Какъ тихо и мирно здѣсь теперь, невольно думалось, глядя на этотъ пробуждающійся городъ и невольно, до мельчайшихъ подробностей припоминался Чекментъ, какимъ его привелось видѣть въ первый разъ, въ сентябрѣ 1864 года, когда войска наши брали его штурмомъ, подъ начальствомъ генерала Черняева.

Чекментъ съ его окрестностями былъ житницею для страны отъ Чу до Сыръ Дарьи, а потому, когда былъ взятъ Туркестанъ, то почти всѣ непріятельскія силы собрались въ Чекментѣ, на защиту его. Бой подъ Чекментомъ длился нѣсколько дней; но я раскажу только про штурмъ цитадели, какъ наиболѣе памятный. Дѣло было раннимъ утромъ. Послѣ труднаго дня, въ цита-

тели и у насъ въ лагерѣ, наступила мертвая тишина, словно и тамъ и сямъ крѣпко заснули. Между тѣмъ, на дѣлѣ наши солдаты не спали: колоны отряда готовились къ штурму; но все дѣлалось такъ тихо, что издали, изъ цитадели, можно было слышать только неопредѣленный тихій шепотъ, не больше. Вскорѣ и этого не слыхать стало: солдаты стояли уже подъ ружьемъ, тихо, не шевелясь, словно замерли.

— Готово-ли у васъ? спросилъ кто-то шопотомъ.

И также тихо послышался отвѣтъ: «готово. Ступайте, скажите».

Распахнулись полы палатки начальника отряда, показался на минуту свѣтъ, и полы снова закрылись. Всѣ обернулись въ эту сторону. Опять распахнулись полы.

— Идетъ, послышалось между рядами солдатиковъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ тронулись въ путь. Впереди шли густыя толпы узкими колонами; на плечахъ у нихъ лежали бѣлыя, толстыя, громадныя лѣстницы. Сзади двигались остальныя люди ротъ. Ни одного слова ни даже шепота не было слышно въ двигающемся войскѣ. Только легкій неровный шумъ шаговъ слышенъ въ темнотѣ, да изрѣдка, впереди несущихъ лѣстницу, шепотъ: «правѣе бери».

Жутко бываетъ въ такія минуты. Говорятъ, что только «у страха глаза велики». Неправда!

Туркестанскія войска сражались всегда съ непріятелемъ въ 5, 10 разъ сильнѣйшимъ; въ Самаркандѣ, напр., 750 человѣкъ защищались въ цитадели противъ 50,000; подъ Икаломъ сотня уральцевъ отбивалась отъ 15,000 тысячъ коканцевъ, а при мысѣ

Чагразъ 20 казаковъ защищались противъ 10 тысячнаго скопища киргизовъ. Войска не только обстрѣлялись, привыкли къ огню, но и на дѣлѣ убѣдились, что на войнѣ суть—не въ числѣ.

Чекментъ былъ не первымъ городомъ, который брали. А между тѣмъ, сужу по себѣ, мелькнетъ что нибудь около стѣны цидатели, куда были устремлены глаза всѣхъ, а ужь кажется, что тамъ задвигались, разглядѣли насъ, вотъ словно и огонекъ сверкнулъ, ждешь, что грянетъ выстрѣлъ; но все тихо опять ничего нѣтъ. —«Близко ужь... сейчасъ ахнутъ»,—невольно думается. «Фу, чортъ, хоть бы скорѣе ужь!» Но крѣпость молчитъ.

Вышли мы на гальку. Шумъ шаговъ сталъ слышнѣе. «Ну, теперь ужь услыхали, думается каждому»... Но крѣпость по прежнему молчитъ. Вотъ стали подниматься въ гору и съ приближеніемъ къ крѣпости высота ея словно ростетъ; тяжелыя стѣны выглядываютъ страшнѣе, неприступнѣе.

Наконецъ и ровъ. Слышенъ уже и плескъ воды при переходѣ передовыми. За крѣпостью точно что задвигалось. Секунда... и сильная полоса свѣта сверкнула съ крѣпости, залпъ выстрѣловъ прервалъ тишину ночи.

— Ура-а! загремѣли внизу, какъ бы въ отвѣтъ, и тяжелыя лѣстницы стукнулись верхними концами въ стѣну.

Крики и выстрѣлы смѣшались вмѣстѣ. По лѣстницѣ неудержимо взбираются на верхъ, задніе недаютъ останавливаться переднимъ и такъ и несутъ все выше и выше.

— Ура-а-а! заревѣли наши голоса уже на стѣнѣ.

Ура-а! гремѣло затѣмъ и за стѣною, смѣшиваясь съ другими дикими криками уръ-у-уръ. Точно звѣри прыгали чрезъ стѣну солдаты. Слышались всевозможные голоса, трещали бѣглые выстрѣлы, звякали штыки...

Вотъ направо за стѣной собралась уже цѣлая кучка нашихъ солдатъ и рѣзкій звучный залпъ винтовокъ раздался съ этой стороны. Кучки ростутъ, и справа и слѣва. Ура!. гремитъ со всѣхъ сторонъ. Уръ-у-уръ! Сюда, сюда! Аяй кильсанчи!! Вотъ, валяй его! А-а раз.. Ой, убили, братцы! Аткань ульгань! Все перебилось, смѣшалось въ темнотѣ.

Вдругъ рядомъ на крышахъ домовъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ ночную свалку.

Съ новой силой заслышались крики, засверкали штыки, летѣли пули въ догонку за ошалѣвшими бухарцами, бѣгущими, кувыркающимися, падающими....

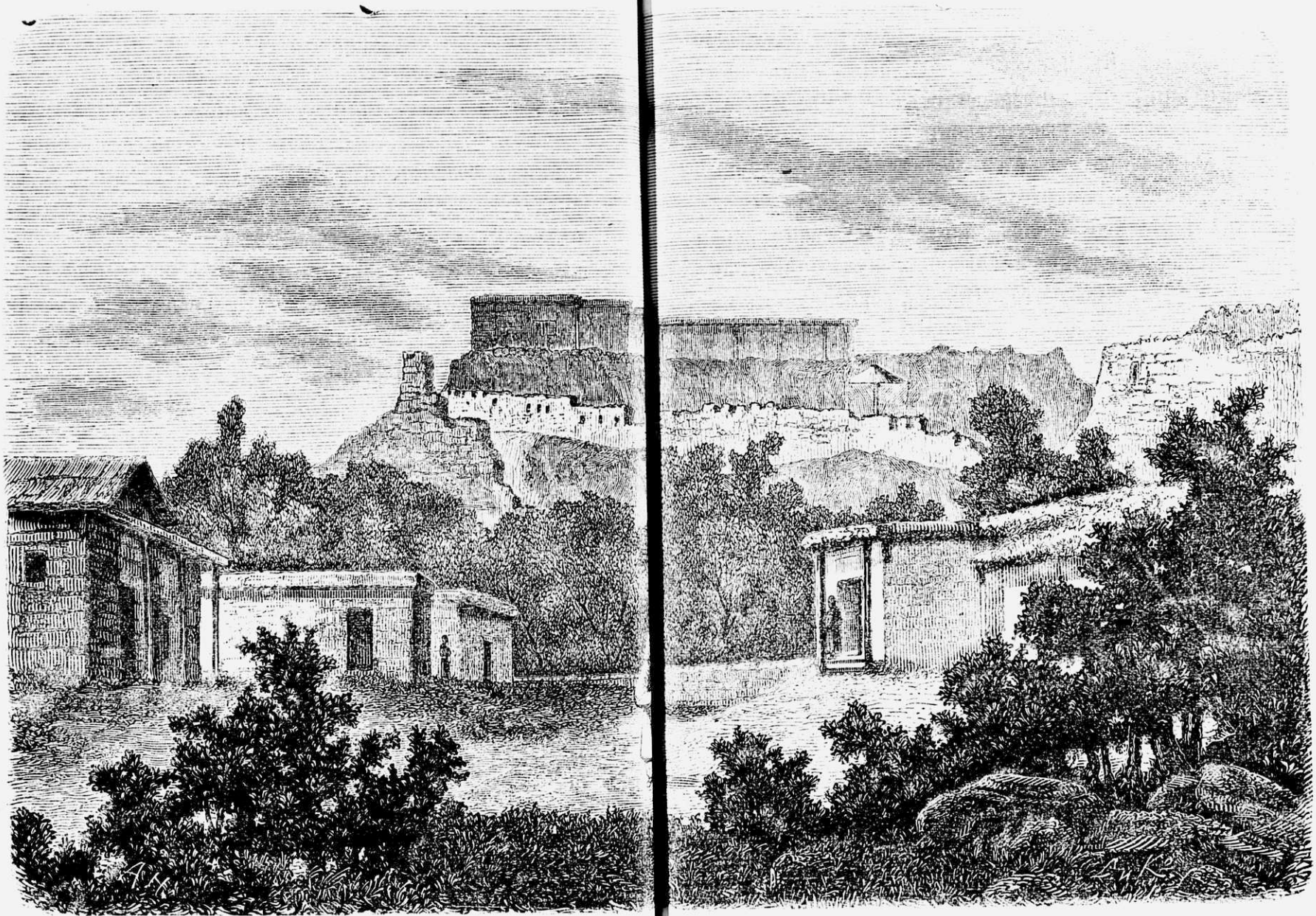
Что дѣлалось во ста шагахъ—никто незналъ. Всякій видѣлъ только то, что было предъ глазами, слышалъ всюду выстрѣлы, крики, видѣлъ пламя. Какой-то стонъ стоялъ надъ крѣпостью, сначала у самой стѣны, а потомъ все дальше и дальше въ глубь цитадели...

Но вотъ на востокѣ начинало бѣлѣть.

Резервныя роты тихо двигались улицами. Всюду валялись убитые, обезображенные бухарцы, трещали рѣдкіе ружейные выстрѣлы. Въ проломанные ворота цитадели въѣзжала артиллерія.

Въ самомъ городѣ рѣзня была на столько жестокая, что туземцы годовщину этого штурма долго справляли повсемѣстнымъ плачемъ.

Я спустился съ горы и вошелъ въ извивающуюся улицу. Народу на улицахъ было мало. По обѣимъ



Городъ Чеп[illegible] Цитадель.

(къ стр. 42)

сторонамъ улицы тянулись стѣны; только перепрыгиваніе чрезъ грязь и канавки нѣсколько разнообразило мое путешествіе. Въ Чекментѣ воду берутъ изъ двухъ ручьевъ, и они такъ широки и глубоки, что мѣстами въ нихъ можно даже выкупаться; вода въ нихъ прекрасная—чистая, свѣжая и ее вполнѣ достаточно, какъ для города, такъ и цитадели.

Домовъ въ Чекментѣ около 750, а жителей—около 3500. Караваны, идущіе на оренбургскую линію, ни какъ не минуютъ Чекмента. Такимъ образомъ, въ извѣстное время, здѣсь бываетъ наплывъ каравановъ, а такъ какъ караванные прикащики непрочь поторговать и при маломъ спросѣ, то съ наплывомъ каравановъ усиливается и торговля этого города.

Такъ какъ въ городѣ ничего особенно замѣчательнаго небыло, то я скоро вернулся въ цитадель. Побывавъ у коменданта, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ моей квартиры, я отправился въ канцелярію, гдѣ по утрамъ можно встрѣтить большую часть офицеровъ. Здѣсь я узналъ, что въ этотъ день изъ Чекмента отправляется партія въ безсрочный отпускъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, мы отправились на площадь цитадели и здѣсь увидѣли множество народу. Въ толпѣ солдатъ, бабъ, деньщиковъ и музыкантовъ, рѣзко выдѣлялась небольшая кучка солдатъ. Они принадлежали къ разнымъ частямъ войскъ, но почти у всѣхъ была одна и та-же маленькая, едва замѣтная примѣта—черная тесемочка на погонахъ; она означала, что всѣ они идутъ въ безсрочный отпускъ.

У всѣхъ подстегнуты полы у шинелей или заткнуты за поясъ, а за плечами—мѣшокъ, или ранецъ, стараго

образца, а то и клеенчатая сумка. Чрезъ плечо на веревочкахъ и ремешкахъ у многихъ подвѣшены старыя шашки, у иныхъ и охотничьи ружья; а одинъ солдатикъ, видимо разудалая головушка, повѣсилъ себѣ вмѣсто, всякаго оружія, сзади на поясѣ балалайку и похаживаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто дожидается—скоро-ли-же начнутъ плясать. Нѣкоторые изъ солдатъ въ простыхъ картузахъ, а не въ кепи, на одномъ даже мѣховая шапка—признаки того, что это ужь наполовину вольный народъ, которому уже многое дозволено, что воспрещается солдату на службѣ.

На площади шумно. Безсрочные и провожатые постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, горячо и помногу говорятъ, обнимаются, цѣлуются, снова говорятъ и снова обнимаются и цѣлуются: на послѣдяхъ разговоры задушевны, такъ какъ провожаютъ, по большей части, земляковъ, и наказамъ нѣтъ конца.

— Ты письмо-то куда положилъ? въ мѣшкѣ? Ну ладно. Смотри-же разыщи, ведутся дорогіе разговоры: отъ васъ всего семь верстъ Жалѣха-то. Только приди, спроси,—всякій покажетъ. И къ дядѣ Сергѣю Егорычу сходи, кланяться, молъ, приказалъ.

— Такъ вы имъ, дядька, скажите это, объяснялъ что-то молодой безусый солдатикъ пожилому ефрейтору, взваливъ его мѣшокъ себѣ на плечи; ужъ я буду увѣренъ въ васъ... А я, дядька, васъ хочу что попросить... Солдатикъ замялся нѣсколько, подбросилъ спиной мѣшокъ выше къ плечамъ и утеръ носъ пальцемъ: охота было послать имъ гостинца здѣшняго... кисетикъ или, какъ сказать, кошелечекъ...

— Ладно Перкинъ, снесу, братъ, для тебя, снесу.

За то сдѣлаю, что молодой ты солдатикъ и уважительный, покорный; будешь ты служить—и заслужишь. Такъ и дома про тебя скажу.

Рядомъ стоитъ красный, съ торчащими усами безсрочный, въ кепкѣ на затылкѣ и борется съ перетягивающимъ его назадъ мѣшкомъ. Противъ него стоитъ землякъ.

— И Туркистанъ, братъ, пройдемъ... все пройдемъ скрозь... Какъ выдемъ, то все пройдемъ... Вплоть до самой до Россіи. А тамъ свово барина стану искать... Филькинъ, братъ, не пропадетъ... Все пройдемъ скрозь... совершенно.

— Что, братъ, въ безсрочные? обратились мы къ ему.

— Точно такъ, вашскродь, вдругъ вытянулся самъ безсрочный, не переставая бороться съ мѣшкомъ.

— А! ну-ну, дай Богъ счастья.

— Покорнише бладаримъ, выскрдь, подтянулся Филькинъ.

Мы пошли дальше.

— Миколаевъ! Миша, Миколаевъ! поди-ка сюда! спѣшно подзываетъ солдатъ уходящаго земляка, остановясь отъ него шагахъ въ двадцати; тутъ онъ молча достаетъ бутылку изъ кармана, молча наливаетъ въ чашечку съ отбитой ручкой водку и также молча выразительно подаетъ земляку.

— Да будетъ... заломался землякъ, — ужь достаточно...

— Пей а ты знай. Послѣдній разъ ужь .. Безсрочный взялъ чашку и медленно выпилъ. Солдатъ снова молча налилъ въ протянутую чашку изъ бутылки и опять серьезно подмигнулъ всѣмъ лицемъ товарищу.

— Самъ то пей мнѣ будетъ, стоялъ съ чашкою безсрочный.

— Пей, мнѣ хватитъ. Тебя провожаемъ... Мы остаемся. Послѣдній, братъ, разочикъ, Миша,—вотъ что. И пойдешь ты, ну, помни—я тебя не забуду. Сколь время ни пройдетъ,—ну а я тебя не забуду... Вмѣстѣ росли и жили, напримѣръ, и все, и опять Господь намъ привелъ вмѣстѣ служить съ тобою,—ну ты мнѣ замѣсто брата былъ,—такъ я считалъ, будто ты братъ родной... Письма съ тобой не посылаю: съ того съ самаго,—желаю я, Миша,—объясни имъ словесно, на словахъ... и деньги передай и скажи, какъ напримѣръ, и что такое, значитъ, я.

— Нѣтъ, вы посмотрите, говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ офицеровъ,—какой молодецъ народъ-то все уходитъ. Вотъ хоть бы этотъ, задерживаетъ меня на полминуты офицеръ. Это мой солдатъ. Вѣдь вершковъ десяти дѣтина, а силища-то, силища-то какая?! не истряслась хоть и много работы было: не прежнее время.

— Ну, прощай, прощай Караваевъ,—будь здоровъ. Служили хорошо,—простился мой спутникъ съ знакомымъ ему солдатикомъ.

Сзади телѣги сидятъ трое сильно подпившихъ солдатиковъ и всѣ обнимаются. А тамъ слышится подъ звуки гармоники пѣсенка:

У насъ рыба-рыбка все ези
Ну споймать только ее нельзи...

и идетъ дальше, выбирая отчетливо каждое слово.

Все шумнѣе и оживленнѣе становится площадь. Вся она говоритъ, кричитъ, хохочетъ, поетъ пѣсни. Сол-

датикъ съ балалайкой съ такимъ трескомъ отхватываетъ казачка, что такъ въ немъ все и говоритъ—и глаза, и поза, и сама балалайка: «я, братъ, дерну—такъ въ носу зачешется»... Гудитъ площадь и сильно пошатывается уходящій и провожающій людъ; но всѣ имъ прощаютъ, всѣ смотрятъ добродушно на этотъ временный безпорядокъ, никого, повидимому, не смущаютъ ни эти сцены, ни этотъ безалаберный говоръ, пѣсни и плясъ. Напротивъ, каждому кажется, что именно все это такъ и нужно; что безъ этого ничегобы не вышло. Всякому, взглянувшему на площадь, непремѣнно хочется почему-то улыбаться. «Такъ, такъ, именно... Да, непремѣнно этакъ», думаетъ онъ, вглядываясь въ подробности.

— Землячьковъ проводить пришли? слышится вопросъ.

— Какъ-же, безъ этого ужь нельзя, какъ водится...

— Безъ этого невозможно—порядокъ; какъ земляческъ не проводить — домой вѣдь идутъ, на родину... «Да, именно невозможно», соглашается всякій и увѣренъ, что только такъ и могутъ, и должны быть эти проводы.

Разцѣловались, обнялись, сказали послѣдніе слова разстающіеся люди другъ другу, когда выѣхалъ партіонный офицеръ на площадь. Тронулись. За безсрочными потянулась вся площадь. Землячки взвалили себѣ на плечи мѣшки уходящихъ. Неутерпѣлъ я — пошелъ смотрѣть эти проводы,—такъ понятны и близки были для меня чувства уходящихъ и провожающихъ.

Заколыхалась безпорядочная масса людей по длиннымъ улицамъ города, на который теперь никто не

обращалъ ни малѣйшаго вниманія. На базарѣ опять пошли прощанья и поцѣлуи, и одна часть провожавшихъ осталась. Я отправился далѣе. Вмѣстѣ съ другими я шелъ до конца садовъ. За ними дорога выходила уже въ открытое мѣсто. Провожавшіе остановились и мѣшки съ ихъ плечъ перешли на плечи безсрочнымъ.

Обнявшись, пожали руки, приподняли шапки, поклонились другъ другу служивые, которымъ привелось вмѣстѣ пережить и трудъ съ горемъ, и смѣхъ съ радостью, и страхъ съ удалью, и разстались.

Прощайте! Дай Богъ благополучно! Съ Богомъ! Будьте здоровы! Счастливо оставаться! прощайте, прощайте! А—а!! гудѣли голоса и махали руки и шапки долго долго вслѣдъ двинувшейся партіи.

Безсрочные прошли съ полверсты. Кто-то оглянулся и, увидавъ, что кучка солдатъ все еще стоитъ у конца садовъ, махнулъ шапкой.

— Прощайте, прощайте, дай Богъ счастливаго пути, говорили уже, а не кричали остающіеся и махали шапками.

— Пошли! заговорили въ кучкѣ, когда она тронулась обратно въ городъ.—Да, пошли... Послужили и домой, на родину.

— А долго еще имъ идти.

— Мало-ли пути,—до Оренбурга только близь двухъ тысячъ будетъ.

— Мѣсяца въ два съ половиной доберутся до Россіи-то.

— Эхъ когда-то намъ вотъ также идти доведется.

— Намъ братъ еще долго до этого: еще до тѣхъ поръ дожить надо.

— Да еще попотѣемъ видно. Который можетъ и вовсе не вернется...

— На все воля Божья: поживемъ, послужимъ—тогда что Богъ дастъ...

— Да... простились съ землячками, протянулъ кто-то для себя, когда разговоры перемежились.

Сгрустнулось, сильно сгрустнулось и мнѣ при этихъ проводахъ. Когда то и мой путь, думалъ я, будетъ въ ту сторону, куда пошли ушедшіе солдатики, а теперь пока нужно двигаться все дальше и дальше отъ родныхъ мѣстъ.

Съ тоскливымъ чувствомъ я вернулся въ свою комнату въ квартирѣ для пріѣзжающихъ и такъ какъ всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ нужно было видѣться въ Чекментѣ, я видѣлъ, то я сталъ укладываться и затѣмъ отправился въ путь. Пришлось снова проѣзжать Чекментъ. Мы проѣзжали его очень долго—такъ онъ растянутъ и, выѣхавши изъ него чрезъ ташкентскіе ворота, остановились у ручья, чтобы напоить лошадей.

Отъ ручья пришлось подниматься въ гору. Подъемъ былъ очень длиненъ, хотя и не крутъ, и мы взбирались немало времени; потомъ стали спускаться вплоть до самой станціи Беглербекъ. Горы, чрезъ которыя мы переваливали, были каменисты; они не мѣшали видѣть даль, такъ какъ были посторонамъ. А потому Беглербекъ виденъ по дорогѣ изъ Чекмента верстъ за 10. Мѣстность, по которой пришлось ѣхать пустынна и безжизненна и, небудь въ сторонѣ отъ дороги орла, уцѣпившагося за глыбу земли, можно подумать, что ѣдешь въ царствѣ мертвыхъ. Трава въ степи успѣла уже выгорѣть; было тяжело и душно и раскаленная

земля обдавала зноемъ. Только кое гдѣ, по берегамъ арыковъ *), да и то вблизи Чекмента, виднѣлась зелень, и глазъ далеко могъ прослѣдить по полямъ эту узкую зеленую каемку. Безжалостное степное лѣто очевидно наступало. Даже надъ горнымъ кряжемъ, что виднѣлся на краю горизонта, не бѣлѣлись полоской облака; осенью же и ранней весной облака совершенно скрываютъ горы отъ глазъ. Теперь даль была задернута какимъ-то сухимъ, сѣроватымъ туманомъ.

Отъ Беглербека—новый подъемъ, перевалъ въ келесскую долину, подъемъ довольно отлогій, такъ что мы ѣхали рысью всѣ двадцать верстъ до станціи Шерапханъ, которая видна тоже верстъ за 10, когда начинаешь спускаться въ долину Келеса.

Меня сопровождали три киргизскіе узбеки, съ которыми я разговорился дорогой. Надо замѣтить, всѣ они считаютъ себя потомками Алача-хана, жившаго лѣтъ за 1000 до Чингизъ-хана, который съ своими ордами завоевалъ полсвѣта.

— Мы теперь потомки этихъ завоевателей; на насъ нельзя просто смотрѣть: у насъ Чингизъ-ханова яса, **) его обычаи; словомъ мы узбеки,—чего еще больше?

— Какъ узбеки? Узбекскій народъ особенный.

— Нѣтъ, туря, мы всѣ узбеки; начиная отъ Оренбурга, куда ни поѣдешь,—все будутъ узбеки. У насъ у всѣхъ свои біи (начальники рода) есть.

— А сарты-то ктоже такіе? спрашивалъ я.

— Сарты? Они ни рода, ни племени не имѣютъ,

*) Оросительныя канавки.

**) Наказъ, письменное завѣщаніе, которое, по преданію, Чингизъ-ханъ оставилъ Киргизамъ.

они по городамъ прозываются. Спроси сарта, кто онъ такой? Онъ тебѣ отвѣтитъ-ташкенликъ (ташкентецъ.) А какого рода?—скажетъ: рода у меня нѣтъ—я ташкентецъ,—чего же еще надо? А у киргиза, у всякаго есть свой родъ.

Солнце уже сѣло, а мы все не можемъ добраться до Шерапхана, хотя и ѣдемъ очень хорошо. Здѣсь очень скоро темнѣетъ—сумерекъ почти нѣтъ.

Вотъ проѣхали какую то плотину и завидѣли огоньки.

Это что за огоньки? спрашиваю я.

— Это караванъ, отвѣчалъ ямщикъ. А вонъ тамъ за караваномъ и Шерапханъ. Мы скоро доѣхали до каравана и увидали много народа и до трехсотъ верблюдовъ, развьюченныхъ и гуляющихъ на свободѣ. Проѣхали караванъ мы нескоро—онъ значительно таки растянулся; но вслѣдъ за нимъ предъ нами предсталъ и Шерапханъ. Здѣсь я ночевалъ, а на утро отправился далѣе, по дорогѣ въ Ташкентъ. Вплоть до слѣдующей станціи Акъ-джаръ ѣхать пришлось плодородной долиною рѣки Келеса.

Акъ-джаръ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, недалеко отъ Келеса. Мѣстечко теперь уже значительно обстроилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ я видѣлъ его въ 1865 году, когда оно предоставляло развалины, въ которыхъ кое какъ помѣстилась станція.

Дорога до Ташкента была мнѣ очень и очень знакома. Послѣ того какъ Чекментъ былъ взятъ нашими войсками, коканцы сосредоточились въ Ташкентѣ и оттуда зимой въ 1864 году сдѣлали нападеніе на Туркестанъ. Чтобы предупредить дальнѣйшія покушенія коканцевъ,

генералъ-маіоръ Черняевъ, вскорѣ послѣ дѣла подъ Икаломъ, выставилъ на полдорогѣ между Чекментомъ и Ташкентомъ наблюдательный отрядъ.

Безъ особенныхъ приключеній проѣхалъ я путь до Кафланбека—предпослѣдней станціи предъ Ташкентомъ, по великолѣпной мѣстности и затѣмъ послѣднюю станцію.

— Вотъ какъ подыметесь на гору, предъ вами и предстанетъ Ташкентъ,—сказали мнѣ въ Кафланбекѣ.

Гора, по которой мы поднимались, показалась мнѣ такъ велика, что я думалъ, что никогда и не доѣду до Ташкента.

— Гдѣ-же Ташкентъ! спрашиваю я у ямщика.

Сейчасъ будетъ, отвѣчалъ онъ. Ѣдемъ, ѣдемъ а все нѣтъ его. Жара ужасная; лошади устали и еле тянутся. Тоска. Я снова къ ямщику съ вопросомъ:

— Да скороли же Ташкентъ-то?

— Замолчи ты, тюря! ворчитъ киргизъ ямщикъ. Вотъ сейчасъ, какъ съ горки будемъ спускатся и увидишь Ташкентъ. А когда мы дѣйствительно стали спускаться съ горы,—ямщикъ повернулся ко мнѣ съ восклицаніемъ.

Ну—анау (вотъ) и Ташкентъ.

Гляжу я по указанію ямщика и ничего невижу, кромѣ безконечнаго сада.

Ты что меня морочишь? сказалъ я ямщику, заявивъ о своемъ недоразумѣніи. Мой киргизъ расхохотался.

Ахъ—тюря, тюря. Да въ садахъ то есть дома, сказалъ онъ и долго послѣ того смѣялся.

Дѣйствительно, каждому русскому показалось бы страннымъ встрѣтить садъ, которому конца краю нѣтъ,

называющійся городомъ, безъ всякихъ слѣдовъ построекъ.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ Ташкенту, справа и слѣва открывались небольшія постройки и пашни, орошаемыми арыками, которые часто пересѣкали нашу дорогу. Вонъ вправо небольшой домъ двухъэтажный и около него бахча, обведенная со всѣхъ сторонъ стѣною. Когда мы начали приближаться къ безконечному саду, называемому Ташкентомъ, стала появляться по немногу и жизнь. Изъ за стѣнъ, которые стали теперь видны, выступалъ огромнѣйшій караванъ и нѣсколько крытыхъ арбъ, въ которыхъ помѣщались семьи караванъ—башей (начальники, главы каравана). Когда мы подъѣхали къ стѣнамъ садовъ, намъ загородили дорогу ослы съ бревнами, привязанными къ ихъ шеѣ. Они выходили изъ какаго-то сада, откуда слышались удары топора. Скоро у стѣны показались и хозяева сада; заслышавъ колокольчикъ они подбѣжали поглазѣть русскаго и сказать ему: «аманъ, аманъ урусъ;» мальченцы въ тибитейкахъ скоро тоже появились у тарантаса, но вмѣсто здравствуй, какъ народъ откровенный, кричали: «урусъ — урусъ» (русскій-пѣтухъ.)

Чѣмъ дальше проѣзжалъ я, тѣмъ больше было народа на улицѣ; а сады, безконечные сады тянулись. Вотъ мы проѣхали и чай-хане, гдѣ засѣдала масса народа. Нѣкоторые изъ нихъ встали и обмѣнялись со мною *аманомъ*. Мы ѣхали тихо, почти шагомъ. Вотъ мы повернули на улицу и передъ нами предстали городскіе чекментскіе ворота съ аистовыми гнѣздами на нихъ и съ длинноногими аистами, которые, забавно

нагнувши головы внизъ, смотрѣли на проѣзжающихъ. Чтобы попасть на станцію нужно было проѣхать городомъ версты четыре. Потому насмотрѣться на городъ и на населеніе было гдѣ и когда. Дома обыкновенно были не привѣтливы: они смотрѣли на улицы голыми стѣнами безъ оконъ. но зато людъ, населявшій домики, тотчасъ выбѣгалъ на улицу. заслышавъ колокольчикъ. Улицы какъ и въ Чекментѣ пересѣкаются ручейками, канавками, чрезъ которые перекинуты живые мостики Для ребятишекъ эти канавки служили и мѣстомъ для купанья

Вотъ попалось одна сартянка въ полномъ выходномъ нарядѣ. т. е. въ халатѣ и съ черной волосяной сѣткой на лицѣ: она несла какой то узелъ. Мы чуть не придавили ее къ стѣнѣ, къ которой она прислонилась, чтобъ дать намъ проѣхать.

Затѣмъ мы повстрѣчались съ партіей киргизъ, ѣхавшихъ верхами и сдѣлавшихъ мнѣ подъ козырекъ своей шляпы. Куда это они пробирались? вѣроятно въ свои аулы дѣлиться новостями, собранными въ городѣ. У киргизовъ новость быстро облетаетъ всю степь, и хотя исказится совершенно, но дойдетъ до Оренбурга и Омска.

Вотъ доѣхали мы до базара. Это—небольшая площадь; она имѣла съ одной стороны училище, медресе, и мечеть, чрезвычайно красиво отдѣланную. Съ двухъ сторонъ мечеть эта не имѣла стѣнъ, а потолокъ поддерживался перилами и колонами изъ дерева. Вся мечеть была изукрашена мелкой работы цвѣтами и, гдѣ только можно было, помѣщались стихи изъ корана. Мечети здѣсь неимѣютъ минаретовъ, и муэззины при-

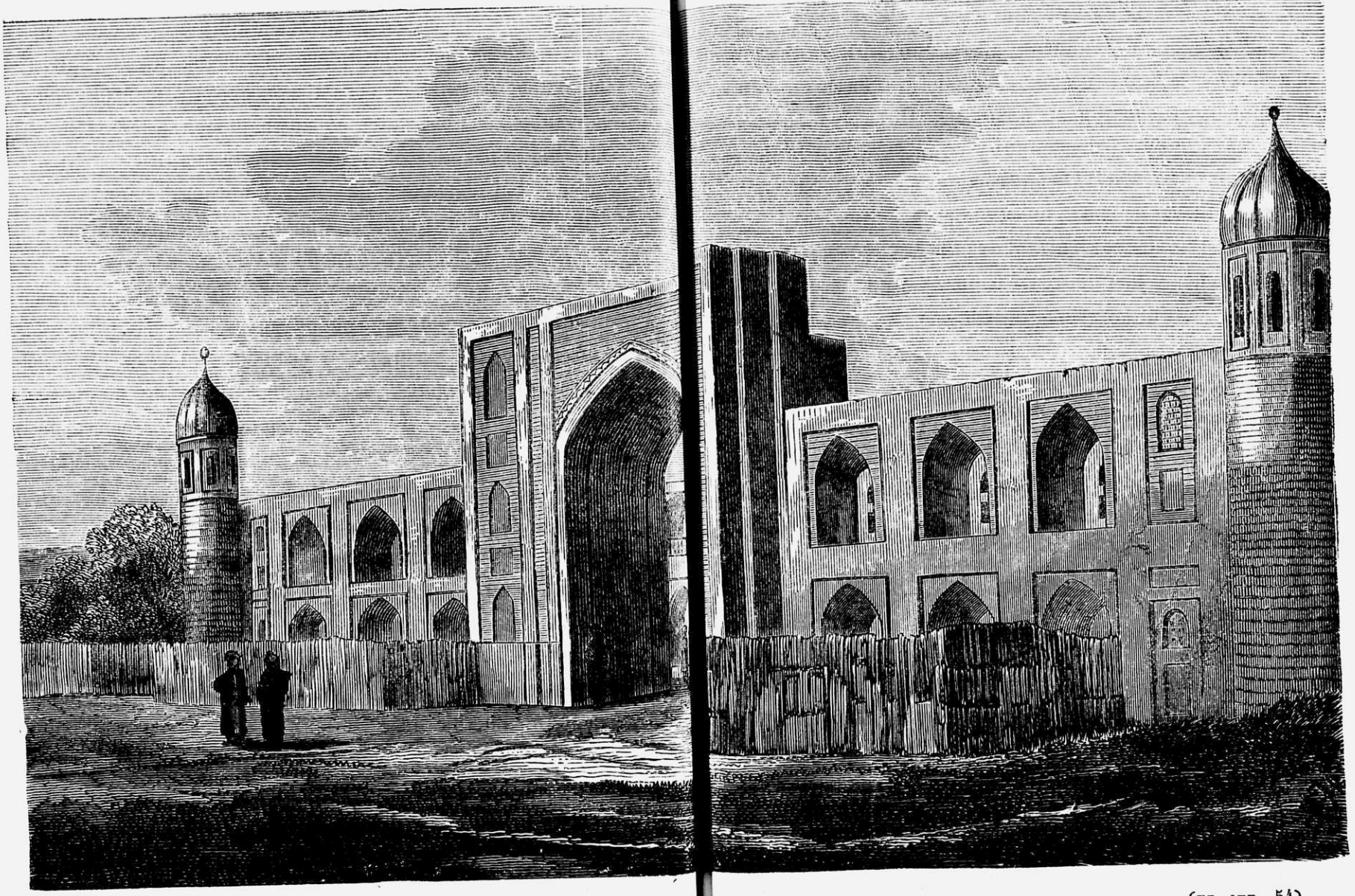
зываютъ къ молитвѣ съ крыши мечети: для минарета необходимъ жженый кирпичъ, а онъ здѣсь чрезвычайно дорогъ, такъ что постройка мечети обошлась бы Богъ знаетъ какъ дорого.

Шакирды (ученики) сидѣли въ мечети и громко кричали урокъ; но когда заслышали колокольчикъ, побросали свои книги и стали смотрѣть — кто ѣдетъ. Передъ мечетью на площади была яма, въ которой стояли ослы. Съ остальныхъ трехъ сторонъ были лавки. Направо входъ на большой базаръ, сзади ворота каравансарая, а возлѣ нихъ чайная лавка, чай-хане, въ которой находились толпы народа, и дервишъ распѣвалъ предъ ними какую-то исторію, брыкая ногами и ударяя себя въ грудь кулакомъ. Налѣво были лавки со всякой мелочью и вздоромъ. Шакирды заорали всѣ разомъ: «аманъ, аманъ!» Выѣзжая изъ этого торжища, мы стали подвигаться немного въ гору. Народъ сновалъ взадъ и впередъ; попадались и русскіе солдатики въ бѣлыхъ рубахахъ, красноватыхъ штанахъ и кепи на бекрень.

А улица между тѣмъ тянулась, изгибаясь и вправо и влѣво. Вездѣ было такъ тѣсно, что одному экипажу только что впору проѣхать. Но вотъ мы выѣхали на такое мѣсто, гдѣ улица шире, могутъ разъѣхаться и два экипажа, если встрѣтятся. Немного дальше— снова медресе съ огромнѣйшимъ садомъ, въ которомъ ташкентцы собираются вечеромъ коротать время. Часть оконъ медресе заставлена соломой, должно быть затѣмъ, чтобы пыль не попадала. Зданіе это имѣетъ весьма почтенный видъ оно начинается башнею, потомъ тянется вдоль улицы стѣною въ два этажа и на углу,

на поворотѣ въ другую улицу, имѣетъ опять башню. Построено оно изъ нежженаго кирпича, обведено кругомъ небольшимъ возвышеніемъ, на которомъ сидѣли дѣти и пожилые люди. Изъ среды ихъ вдругъ вывернулся одинъ юродивый и побѣжалъ за нами, прося милостыни. Дальше мы мало кого встрѣчали на улицѣ, только женщины выглядывали изъ щелей домовъ своихъ съ ребятишками. Попадались, впрочемъ, женщины и на улицѣ, но онѣ всякій разъ отворачивались къ стѣнкѣ, чтобы не быть замѣченными. На поворотѣ было нѣсколько мелкихъ лавченокъ. Товару въ нихъ все было какихъ нибудь рублей на пять, а хозяева ихъ, между тѣмъ, лежали на солнышкѣ и грѣлись, будто у нихъ вовсе и работы не было. Дальнѣйшая поѣзда по городу не представляетъ ни чего замѣчательнаго. Но вотъ мы стали подъѣзжать къ цитадели. Тутъ уличная дѣятельность оживилась: чаще пошли лавки и чай хане, въ которыхъ солдатики лакомились пильменями, приготовленными сартами, пили брагу и потягивали водочку, принесенную изъ слободки. Цитадель отъ города отдѣляется рвомъ. Мѣсто отъ рва до лавокъ занимали возы съ клеверомъ и ячменемъ. На площади лежало много верблюдовъ, важно поднимавшихъ голову и озиравшихся кругомъ своими любопытными глазами. Направо отъ цитадели съ шумомъ падала вода, а налѣво тянулись лавки и построенныя между ними бани, которыхъ здѣсь довольно много. Въ этой части города преобладаютъ уже русскіе: сартовъ развѣ какая нибудь треть.

Въ цитадели, на барбетѣ стоялъ часовой. Я въѣхалъ на мостъ, соединявшій цитадель съ городомъ. Мостъ вѣроятно былъ построенъ русскими: такъ онъ былъ



Медресса ашкентѣ.

(къ стр. 54).

опрятенъ, проченъ и красивъ. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ и мы скрылись въ цитадели. Направо здѣсь была гауптвахта. Мы повернули направо и поѣхали вдоль лавокъ, и находившихся слѣва; занятыхъ сартами на правой сторонѣ были казармы. Потомъ выѣхали къ большому пруду, обсаженному со всѣхъ сторонъ березками, а затѣмъ къ губернаторскому дому, гдѣ жили мои знакомые. Я такъ измучился дорогою, что завѣтною мечтою у меня было отдохнуть, выспаться. Съ жизнью города и цидатели я познакомился въ слѣдующіе затѣмъ дни, о чемъ и сообщу въ слѣдующей книгѣ.

РАЗСКАЗЪ
О ВЕЛИКОМЪ СУВОРОВѢ-РЫМНИКСКОМЪ.

1794-й годъ.

(Изъ записокъ современника).

Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Уже былъ вечеръ, когда пѣхота наша прибыла къ мѣстечку Кобрину, и въ то же время вся конница и егерскій корпусъ двинулись впередъ. Александръ Васильевичъ повелъ ихъ, приказавъ генералъ-маіору Ф. Ф. Буксгевдену посылать частые патрули по боевому полю: не найдутъ ли еще кого изъ тяжело раненныхъ; таковыхъ приказано было относить на перевязочный пунктъ для поданія надлежащей помощи. Но ни одного не было найдено: ни русскаго, ни поляка,

всѣ почили смертнымъ сномъ. Такъ сильны и смертельны были удары конныхъ.

Утромъ, чуть заря, жители окружныхъ селеній ужь рыли глубокія и большія ямы, и къ вечеру слишкомъ три тысячи польскихъ тѣлъ было похоронено. Помнится, у насъ выбыло изъ строя убитыхъ и раненыхъ до сорока человѣкъ и до сотни лошадей. Пушки, оружіе и непріятельскій обозъ были собраны, а знамена, при всеподданнѣйшемъ донесеніи, отправлены къ матушкѣ государынѣ царицѣ; все же остальное—въ м. Кобринъ, гдѣ были положены и раненые подъ охраненіемъ роты Смоленскаго пѣхотнаго полка и нѣсколькихъ человѣкъ конныхъ.

Ретивое горѣло у пѣхоты.—Вотъ, говорили воины, конницѣ Богъ далъ поработать; а намъ, видно за грѣхи наши, все нѣтъ еще случая!.... Но, авось, Богъ дастъ, и мы поработаемъ во славу нашей матушки не хуже конныхъ!

Предъ обѣдомъ явился отецъ нашъ Александръ Васильевичъ. Объѣхалъ весь станъ, поздоровался съ солдатами и обѣщалъ скоро поставить и пѣхоту лицемъ къ лицу съ Поляками. Эта вѣсть пронеслась по всему стану и невыразимо обрадовала воиновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой день къ вечеру вся пѣхота двинулась и шибкимъ суворовскимъ шагомъ понеслась. Ночью на 6-е сентября, часа за три до свѣта, мы остановились предъ мѣстечкомъ Крупчицами. Здѣсь былъ данъ отдыхъ, и приказано приготовиться къ знакомству съ Поляками. По ту сторону Крупчицъ, за пологимъ болотистымъ, разлеглымъ, топкимъ мѣстомъ, расположился генералъ Сираковскій съ корпусомъ лету-